

ДНЯ
ГАРИНА

ТЕМНА
ЕГИПЕТСКАЯ
НОЧЬ

Дия Гарина

Темна египетская ночь

«Автор»

Гарина Д.

Темна египетская ночь / Д. Гарина — «Автор»,

Никто не застрахован от семейных скандалов. Но когда твоя жена вместо сковородки берет в руки острую саблю и собирается на потеху пресыщенной публики разрубить тебя пополам, становится немного не по себе. Как стало не по себе Игорю Семенову, волею судьбы занесенному на арену для современных гладиаторских боев. Отправившись на поиски Риты Дементьевой – дочери лучшего друга, бесследно пропавшей в Египте, он вряд ли предполагал, что кроме местных гангстеров ему придется столкнуться с ожившими мумиями, скитаться по таинственным лабиринтам и искать древние артефакты. Но тайны семейные не уступают загадкам Сфинкса. И похищенная Рита на поверку окажется дочерью египетского миллионера, а собственная жена – наложницей его жестокого племянника. Даже друг Андрей вдруг предстанет в облиции египетского принца. В таком изменчивом мире только преданность, дружба и любовь помогут Игорю спасти дорогих ему людей, куда вернее, чем даже найденная в гробнице машина Нострадамуса.

© Гарина Д.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дия Гарина

Темна египетская ночь

Глава 1

Бам-бам-бам! Искры от молодецких ударов бойко разлетались во все стороны. Мечи без устали порхали в крепких руках. А лязг в зале стоял такой, что сидевшая в кресле Ольга демонстративно зажимала уши и досадливо морщила курносый носик. Вот притворщица! Пытается таким образом наказать меня за то, что за два часа до поезда я притащил ее сюда вместе с чемоданами и нашим дражайшим отпрыском Денисом. Отпрыск, кстати, ничего против не имел. И уже несколько раз примеривался к моей тренировочной катане, когда думал, что я не вижу. Но я видел. И втайне одобрял. Что может быть приятнее преемственности поколений?

Когда двое рубак, наряженных в длинные кольчуги, взмокли не то, что до седьмого – до тридцать седьмого пота, Сашка Макаров дунул в милицейский свисток, а Ольга облегченно вздохнула. Очередная тренировка в военно-историческом клубе «Путь меча» благополучно закончилась. Ни тебе сотрясений мозга, ни порывов связок... Даже непривычно. Неужели все-таки наша молодежь успела кое-чему научиться?

– Нет, ты видел, Семенов?! – возмущению Макарова – бессменного председателя клуба не было предела. – Они двигаются как старые коровы. И это за месяц до соревнований! А на что похожи ваши кольчуги? Это ж срамота одна! Из чего вы их плетете?

– Может, мы без кольчуг обойдемся? – пробубнил один из наших молодых талантов, пытаясь утереть трудовой пот рукой в латной рукавице. – Вон Игорь вообще никогда кольчугу не надевает...

– Будешь владеть мечом как он, можешь хоть голым на соревнованиях рубиться, – перебил его Макаров, – И потом, Игорь Семенов у нас пожизненно приговорен выступать в роли бессмертного горца Дункана Мак Лауда. Зря я, что ли, ему стричься запрещал? Какая уж тут кольчуга...

– А с кем Игорь в паре будет на показательных? – осторожно поинтересовался второй самородок, стягивая возмущенно звенящую кольчугу. – Краснов в Японию укатил на три месяца, а вы...

В зале повисла тоскливая тишина. Даже слышно стало, как за окном надрываются неугомонные воробьи, костеря на все корки необычно жаркое лето. Невозмутимый Макаров искоса глянул на свою ногу, с которой лишь недавно сняли последние швы. Вот уже больше года его мучили операциями после неудачно залеченного перелома.

– Игорю партнера я уже подобрал, – досадливо дернул плечом Сашка. – Вполне достойного. Называть имя сейчас не стану. Для тебя, Семенов, это будет сюрприз.

– Ненавижу сюрпризы, – не выдержала Ольга, бросив в мою сторону испепеляющий взгляд. – Ты, Саша, прости, но еще пять минут и мы с Денисом на вокзал опоздаем.

– Черное море... – Макаров мечтательно закатил глаза. – Белый песок... Пальмы... Должник я твой, Ольга. Спасибо, что мужа мне оставляешь. Сама знаешь, соревнования скоро, а кто мне поможет нашу молодежь в форму привести? Так что бутылка настоящего армянского коньяка за мной. А тебе с Дениской счастливо отдохнуть. За неделю даже соскучиться не успеете, а потом он к вам присоединится.

Макаров еще договаривал последнюю фразу, а у меня уже появилось нехорошее предчувствие. Впервые за последний год. Сразу же занял отсутствующий левый мизинец – до сих пор не могу привыкнуть к фантомной боли, вроде и болеть нечему, а выматывает не хуже больного зуба. Черт бы побрал эти мои сверхнормальные способности! Ну чего я, спрашива-

ется, испугался? Н-да, а ведь я действительно испугался. «Па-ба-ба-бам» – прозвучал в голове тревожный бетховенский мотив, а внутренний голос ехидно поинтересовался: не слишком ли долго я не вляпывался в неприятности? Может уже пора?

Решительно призвав к порядку невидимого паникера, я сделал вид, что страшно озабочен скоростью доставки семьи Семеновых на вокзал и, подхватив стоящие у стены чемоданы, выскочил в душный июльский полдень.

Утро наступило неожиданно. Почти как российская зима. А оповестил меня об этом голосащий в прихожей звонок. Сердце эпилептически дернулось в часто задышавшей груди: похоже, вчерашнее предчувствие материализовалось в человека, перебудившего настойчивыми трелями половину подъезда.

– Да, иду я, иду! – заорал я, лихорадочно нащупывая ногами тапочки и устремляясь к двери, – Не звоните так, соседи жаловаться придут!

Подозрительно подрагивающие руки, откинули последний засов, и стальная дверь, открывшаяся со скрипом несмазанной телеги, явила мне звонившую персону. После чего я абсолютно логично заключил, что предчувствия меня не обманули.

Звонок, огласил подъезд последней победной трелью, и неожиданный гость прошествовал мимо меня, как мимо пустого места.

– Может, здороваешься? – пробормотал я, окончательно выбитый из колеи, следуя за ним на кухню.

Он медленно опустился на стул и обвел отсутствующим взглядом погром оставшийся после вчерашнего мальчишника. А потом...

– У меня дочь пропала, – произнес экстрасенс Андрюша совершенно будничным тоном, который никак не вязался с его неадекватным поведением. – Вся надежда на тебя, Игорь. Ты один сможешь мне помочь.

Когда забулькавший в турке кофе прервал похоронное молчание, установившееся после того, как Андрей в нескольких словах поведал мне суть происшедшего, я тяжело вздохнул и разлил по чашкам вправляющий мозги напиток. То, что после окончания института длинноногая Рита решила поправить пошатнувшуюся от неимоверного количества полученных знаний нервную систему в знойном Египте, меня не удивляло. Как и то, что Андрей, не сумев устоять перед красавицей дочкой, вывернулся наизнанку, но изыскал для вояжа средства неучтенные в семейном бюджете, который строго блюла его ненаглядная половина. Удивляло другое.

– И ты позволил ей уехать одной?! – я не верил своим ушам. – Ты, который носился с ней как наседка в климатическом периоде! Когда я гостил у тебя зимой, то каждый день поражался: до какой степени может быть гипертрофированна отцовская любовь. Ты же с нее пылинки сдувал! И даже уговорил меня после двух литров коктейля из виски, водки, самогона и пива начистить морду одному из ее многочисленных ухажеров, который чем-то тебе не приглянулся. Хорошо хоть Надя твоя перехватила нас, следовавших на четвереньках к входной двери, и заперла ее на ключ.

– Неужели на четвереньках? – горестно взглянул на меня Андрей.

– Почти. Но и это я могу понять. А не могу понять одного: в какую сторону смотрел твой хваленый «третий глаз»?! Почему ты не воспользовался им, чтобы узнать: чем может закончиться эта поездка?

Ответом мне был протяжный вздох.

– Я ... был несколько... не в форме, – смущенно пробормотал горе-экстрасенс. – Ну, ты понимаешь...

Я понимал. Одним из главных недостатков моего гуру – «великого и ужасного» экстрасенса Андрюши (в быту Андрея Григорьевича Дементьева), было сознательно неискореняемое

пьянство. Нет, он не валялся по вытрезвителям, не водил знакомства с белой горячкой, но иногда (правда, очень редко) его заключал в свои цепкие объятия тривиальный запой.

– И потом, ты же знаешь, Игорь, я не могу предвидеть то, что касается меня лично. В том числе судьбу моих близких. И друзей. Так, что можешь даже не спрашивать, чем закончится наша спасательная экспедиция. Все равно не смогу ответить.

– Наша? – я на всякий случай поставил на стол чашку с еще не остывшим кофе, чтобы не нанести себе дрогнувшей рукой ожогов второй степени.

– Мне больше не к кому обратиться, – глядя мне прямо в глаза, тихо произнес Андрей. И я понял, что не сумею ему отказать.

Сборы были недолги. И заключались преимущественно в перемывании грязной посуды, основательно забаррикадировавшей мойку. Бросить в чемодан заранее подготовленные Ольгой вещи было делом одной минуты. А вот на разговор с кипевшим возмущением Макаровым их было потрачено не меньше сорока. Разобрав в чем дело, Сашка долго и смачно ругался в трубку, но отговаривать не стал. Уж кто-кто, а он был прекрасно осведомлен, чем я обязан Андрею. Так что большая часть разговора ушла на составление текста телеграммы, которую Макаров клятвенно пообещал послать Ольге, объясняя мое неприбытие.

Успокоив, таким образом, свою отягощенную ложью совесть, я приступил к решению проблемы матобеспечения. Срок действия моего загранпаспорта истекал только через год, так что самым жизненно важным вопросом, как всегда, оказался вопрос наличности. Перетряхнув все заначки и обзвонив всех мало-мальски состоятельных знакомых, я с прискорбием вынужден был констатировать, что средств оставшихся в моем распоряжении, едва хватит на приобретение самой дешевой путевки. А ведь нужен еще НЗ на непредвиденные расходы! И вообще, частный сыск дело дорогое и неблагодарное, и значит желательно иметь в запасе хотя бы тысячу родных «зеленых».

– Ерунда, – успокоил экстрасенс Андрияша, донельзя обрадованный моим согласием и потому вернувший себе обычный неунывающий вид. – У меня предчувствие, что деньги не станут для нас проблемой.

И оказался таки прав: с чем с чем, а с деньгами мы проблем не испытывали.

Начало нашей спасательной экспедиции было безоблачным как небо страны, в которую мы почти без труда приобрели горящие путевки (по подозрительно низкой цене) в одном из столичных тур-агентств. Но даже обещанная одноразовая кормежка не смогла смутить воспрявшего духом «великого и ужасного». Пришлось остудить его, вспыхнувшего ничем неоправданным оптимизмом, следующим вопросом:

– И как же ты собираешься искать дочь, если по твоим собственным словам не можешь воспользоваться экстрасенсорными способностями, когда речь идет о твоих близких? На что надеешься?

– На тебя, – Андрей широко распахнул свои невинные голубые глаза. – Зря я, что ли, до седьмого пота, бился над твоим обучением? Потратил столько сил, энергии и водки? Настал черед на практике проверить, что ты усвоил из откровений своего гуру. Можешь считать нашу поездку твоим выпускным экзаменом!

И оставив меня торчать парализованным столбом посреди суевающей толпы, он бодро полез в маршрутку, которой предстояло доставить нас в аэропорт «Внуково».

Устраиваясь поудобнее среди нагроможденных сумок и чемоданов я уже в который раз поразился поведению Андрея. Казалось, он ничуть не изменился: все также жизнерадостно поглощал пиво, в количествах нереальных для его субтильной комплекции, ерничал и балагурил, вызывая смешки у находящихся в предполетном мандраже пассажиров маршрутки, и вообще вел себя так, как будто ничего не случилось. Разве что суеты в движениях прибавилось. Но мне не нужно было ловить, его пристальный взгляд, выхватывающий из толпы беззаботные

лица молодых девчонок, чтобы ощутить внутреннее напряжение, укрывшееся за шутовской маской. Пружина. Сейчас он сжатая до отказа пружина, и не хотел бы я оказаться на месте того, кто заставит ее распрямиться.

Подойдя к стойке и пристроившись в хвосте оживленно галдящей очереди соотечественников, стремящихся побыстрее вкусить все прелести североафриканской экзотики, я погрузился в не вовремя воскресшие воспоминания. И потому не сразу заметил, как изменилось настроение маявшего рядом Андрея. Чем ближе продвигались мы к еще одной милой девушке, натренированной рукой ставившей штампы на билетах, тем суетливей становились его и без того не слишком скоординированные движения. А когда мы поднялись по эскалатору в «накопитель» ожидать посадки, я уже просто не узнавал экстрасенса. Андрей молча опустил на обтянутое кожзамом сидение и, обхватив руками «дипломат» с дозволенными к провозу двумя емкостями жидкой валюты, замер с идеально ровной спиной. Как будто в аэровокзальном кафе вместо традиционных ста грамм «на дорожку» проглотил не менее традиционный аршин.

– Что случилось? – забеспокоился я. – Почему в твоих глазах мигает надпись «DANGER», как у пьяного кролика Роджера? На горизонте неприятности?

– А?! – вышел из ступора экстрасенс. – А-а-а... Нет. То есть... Только не смейся, Игорек! Я просто до колик в животе боюсь летать. Для меня полет равносителен пытке на дыбе. А лететь нам почти пять часов. Так, что сам понимаешь...

– Понимаю. У меня, между прочим, сердце тоже не на месте. Особенно после всех этих катастроф. Летишь и не знаешь: то ли летчик сына несовершеннолетнего за штурвал посадил, то ли диспетчер дома с женой поругался, то ли на Украине опять учения затеяли, то ли террористку на борт за «штуку» провели... Ого! Глянь, какая мадам идет! Ну, вылитая шахидка.

– С чего это ты взял? – на секунду отвлекшись от мрачных мыслей, поинтересовался экстрасенс, проследив мой взгляд, остановившийся на крупногабаритной даме бальзаковского возраста.

– Что я шахидок не видел? – обиделся я. – Она вся черная. И волосы, и глаза, и одежда. И вообще...

– И вообще, молод ты еще и начет женского пола слабоват! В смысле, мало знаешь женщин... То есть, я хотел сказать, мало о *них* знаешь. Какая же она террористка? Ты только погляди: у нее в глазах вся скорбь еврейского народа! А в черном, потому что надеется цветом фигуру устроить.

– Это она зря. Такую фигуру только рубанком устроить можно. И все же ты меня не убедил...

– Вот горе-то! Сам боюсь до дрожи, а тут еще тебя успокаивать приходится. Я тебе со всей ответственностью заявляю – ничего страшного не случится. Сколько раз взлетим, столько раз и сядем. Все. Точка. Конец дискуссии.

– Заявляет он! Скажите, пожалуйста! «Третьим глазом» не видит, «третьим ухом» не слышит а туда же!

– Это я про себя не вижу, и про тебя, дурака, тоже, а вот про нее сейчас посмотрю!

И Андрей так пронзительно зыркнул на корму дородной брюнетки, что женщина, почувствовав его магический взгляд, повернулась к нам с проворством не свойственным людям таких форм. Ее пронзительно-черные глаза то и дело перебежали с меня на Андрея и обратно. А по презрительно поджатым губам дамы можно было заключить, что будь мы в законопослушной Америке, то уже давно бы отправились мотать срок за сексуальное домогательство в общественном месте.

Чтобы замаять возникшую неловкость, я попытался любезно улыбнуться, демонстрируя исключительно мирные намерения. И, как оказалось, зря. Дело в том, что после некоего происшествия, связанного с национальными интересами одной сопредельной дальневосточной

страны, мой левый глаз (слава богу, оставшийся на месте) навсегда приобрел ехидный прищур. А мышцы левой половины лица стали сокращаться так, что даже самая искренняя улыбка, превращалась в нечто глумливое и донельзя отталкивающее. Так что слегка шокированная дама фыркнула и демонстративно направилась в противоположный конец зала ожидания.

– Ну вот, я же говорил – все будет нормально! У нее еще лет двадцать беззаботной жизни впереди, – поспешил успокоить меня гуру, не сводя глаз с удаляющейся женской фигуры. – И вообще, очень многое у нее впереди... А так же сзади.

Я укоризненно посмотрел на Андрея, враз позабывшего о предстоящем кошмаре полета, и только головой покачал.

– Много ты понимаешь! – тут же набросился на меня экстрасенс. – Мне, между прочим, благодарность из Космоса приходит через женщин. Поэтому я при каждой встрече с представительницей противоположного пола сразу стараюсь прикинуть размеры этой благодарности. А также форму оплаты.

Андрей, видимо, собирался продолжить эту животрепещущую тему, но тут объявили посадку, и неукротимый людской поток повлек нас к выходу.

Стоило нам опуститься в кресла и прислушаться к ровному гулу прогреваемых моторов, как «великий и ужасный» потребовал у стюардессы сто грамм и конфетку. В ответ на возмущенный отказ, он что-то прошептал ей на ушко, отчего девушка зарделась, словно знамя революции, и через минуту принесла заказ. На лице экстрасенса, единым духом опрокинувшего в себя содержимое пластикового стаканчика, проступило выражение абсолютной гармонии.

– Ну, вот, – пояснил он, блаженно жмурясь. – Теперь я на полчаса избавлен от душевных мук. Да не переживай ты так! Скоро и вам, простым смертным, принесут чего-нибудь стрессоснимающего.

Процедура снятия стресса у Андрея повторялась через каждые полчаса, так что к моменту приземления мой гуру оказался в состоянии близком к нирване: то есть ничего не замечал, ничего не осознавал и, естественно, не мог самостоятельно передвигаться. Когда я взвалил его на плечо под сочувствующие взгляды окружающих, смысл моей миссии сразу прояснился:

мне предстояло на целых две недели стать основным средством передвижения «великого и ужасного».

По прибытию в аэропорт Хургады я прислонил Андрея к одной из конструкций, поддерживающей натянутую над клочком пустыни крышу, и занялся заполнением въездных документов. Хорошо, что за последние два года мне удалось продвинуться в штудировании английского, так что заполнить простенькие карточки не составило большого труда. Зато трудно было тащить в одной руке чемоданы, а второй поддерживать моего дражайшего гуру. Наконец, мы погрузились в здоровенный автобус, и я смутно понадеялся, что мои мучения закончились.

Увы, это оказалось не так, – пришлось еще основательно помучиться при заселении в гостиницу. Хотя сама процедура была крайне проста, но Андрей неожиданно вышел из алкогольного транса и, преисполнившись энергии, попытался сбежать от меня, дабы немедленно обследовать окрестности на предмет поиска всевозможных следов пропавшей дочери. Только закрыв за собой дверь номера, и сгрузив задремавшего после всплеска жизненной активности экстрасенса на кровать, я смог-таки вздохнуть спокойно.

Утром меня разбудили слабые стоны, доносившиеся с соседней кровати. Приоткрыв один глаз я получил возможность лицезреть экстрасенса Андрюшу, сидящего в позе отнюдь не лотоса, а скорее обезвоженного фикуса. Сейчас он вполне мог служить моделью для очередной скульптуры Церетели под названием «Похмельный синдром России».

– И чего ты зря страдаешь? – сурово спросил я Андрея, судорожно прижимавшего ладони к вискам. – На тебя без слез смотреть невозможно. Не жмись, распечатывай заначку.

– Да, я ее уже час назад распечатал, – горестно поведал мне экстрасенс. – Не помогает. В висках ломит так, будто мне стальной обруч на голову натянули на пять размеров меньше положенного. Между прочим, я этот чертов обруч на своей бестолковке почувствовал сразу, как мы приземлились. Думал, пройдет... На плечи, кстати, тоже что-то давит...

– Погоди, у меня какие-то таблетки есть.

И я начал перерывать чемодан.

Вместе с таблетками, потраченными на лечение страждущего, из чемодана на свет был извлечен маленький кипятильник – вещь безусловно ценная и нужная. Особенно если учесть, что завтрак нам не полагалось. Так же, впрочем, как и обеда. С аппетитом поедая прихваченные из самолета булочки, и запивая их горячим кофе мы, как и положено приверженцам зарождающейся в нашей стране демократии, приступили к прениям.

– А теперь, дорогой гуру, не сочти за труд, посвяти своего ученика, которого ты опять втравил в препаскуднейшую историю, в ближайшие планы. Короче, чего дальше делать будем? Загорать и купаться?

– Будем и загорать, будем и купаться, – как ни в чем не бывало, подтвердил экстрасенс Андрюша, и, поймав мой недоумевающий взгляд, поспешно продолжил. – Еще два дня. А потом нас повезут на экскурсию по маршруту Луксор-Асуан-Каир. Рита перед отъездом хотела взглянуть на Долину Царей и пирамиды, поэтому заказала такую же экскурсию... Там-то она и исчезла...

– Послушай, Андрей, я ведь не слепой. Вернее, не так. Благодаря тебе я теперь кое-что вижу. Так что можешь обманывать кого угодно только не меня. Скажи честно: на что ты надеешься? Ведь без твоих способностей шансы отыскать Риту близки к абсолютному нулю, а воспользоваться ими ты не можешь... Моих же талантов хватает только на то, чтобы иногда разглядывать нижнее белье у закутанных в шубы дам, да еще совершать увеселительные прогулки в астрал под твоим чутким руководством. Вот и все. Поиском людей и предметов я никогда не занимался. У меня не получится...

– Не бойсь! Все у нас получится! – Андрей попытался снова надеть жизнерадостную маску, но, заглянув мне в глаза, осекся и продолжил уже совсем другим тоном. – Во-первых, не все мои способности заблокированы, кое-что еще из себя выжму. Во-вторых, о твоём потенциале предоставь судить мне. А в-третьих, я буду использовать любой шанс, хвататься за любую соломинку и пускать в ход любые средства, пока не найду ее или... не отомщу. Ну, ты меня понимаешь...

Еще бы не понимать!

– Андрей, – я сжал его руку. – если мой сын сейчас резвится на Черном море, а не лежит, как обещали его похитители, на дне озера, то только потому, что один мой знакомый экстрасенс сделал все, чтобы мне помочь. И едва не заплатил за это своей собственной жизнью. Так что я в полном твоём распоряжении; можешь меня хоть на кусочки порезать для каких-нибудь ритуалов, даже не пикну, честное слово!

– Боюсь, что в этом путешествии и без меня найдется большое количество желающих разрезать тебя на кусочки, – пробормотал экстрасенс, уставившись в пространство. И мне почему-то стало очень не по себе.

– Ладно, хватит в ступе воду толочь, – Андрей решительно подвел черту под лирическим отступлением. – Сейчас девять утра по местному времени. Как ты думаешь, в котором часу тут принято идти на пляж?

Вот она природа человеческая! У него дочь неизвестно где, неизвестно с кем, и вообще жива ли тоже неизвестно, а ему пляж подавай!

– Что, с утречка уже в море окунуться собрался? В качестве вспомогательной терапии при похмельном синдроме? – продемонстрировал я Андрею одну из своих коронных ухмылок. – Только если ты решил позагорать под ласковым утренним солнцем, то нужно было встать на

пару часиков раньше. Потому что от нашей гостиницы с гордым названием «Звезда Исиды» до моря пилить и пилить. Не понимаю, как ты умудрился так влипнуть. Ведь целых полдня мальчику из турагентства нервы мотал! Одна гостиница дорогая, другая дешевая, у третьей название напоминает тебе девичью фамилию первой тещи... И тэ дэ и тэ пэ! Вот теперь будешь по жаре устраивать себе марш-броски до пляжа.

– Успокойся, Игорек. Все идет по плану. Мне нужно было поселиться в «Звезде Исиды» потому, что Рита останавливалась именно здесь, в триста втором номере. И я собираюсь в него наведаться. Догадываешься для чего? Вот и молодец. Пока жильцы из этого номера будут покрываться египетским загаром, мы с тобой успеем все проверить.

– Мы? А я думал, что ты опять оставишь меня на стреме...

– Нет уж. На сей раз Игорю Семенову отводиться куда более важная роль, – торжественно провозгласил мой гуру и ободряюще хлопнул меня по плечу, чтобы я до конца проникся собственной важностью.

Правда, сначала моя «куда более важная роль» состояла в обычном подглядывании и подслушивании. Я то и дело прогуливался по коридору, чтобы определить есть ли кто в триста втором номере. Но, сколько не прикладывался ухом к двери, так и не смог этого определить. В томительном ожидании прошел час. Наконец, Андрей не выдержал и, после моего очередного невразумительного доклада, решительно проследовал за угол. С минуту он постоял там, как бы прислушиваясь, и, кивнув самому себе, подошел к двери номера.

– Чисто. Нет там никого. Ни одной мысли. Даже на иностранных языках.

Прежде чем я успел поинтересоваться, может ли он читать иностранные мысли, не владея ни одним языком, кроме родного со словарем, экстрасенс Андрюша, порылся в кармане шорт и извлек оттуда женскую шпильку.

– Вот, у жены, одолжил, – пробормотал он, ковыряясь в замке. – Мне эти приемчики еще батя показывал, царство ему небесное... Готово! Да, не торчи ты тут, как прыщ на круглом месте. Заходи!

Ну, я и зашел.

Триста второй номер отличался от нашего триста восьмого только размерами и количеством кроватей. Огромный двухспальный сексодром занимал практически все пространство свободное от раскиданных в беспорядке женских вещей. Кажется, я на секунду отвлекся, пытаясь по одежде определить к какой национальности принадлежала проживающая здесь дама, а когда убедился в бесплодности таких гаданий, то обнаружил, что экстрасенс Андрюша уже вольно раскинулся на кровати и призывно машет мне рукой.

– Давай, Игорек, присоединяйся.

– Зачем? Что ты собираешься делать?

– Поговорить с Ритой.

– А из дома ты не мог с ней поговорить? – пробормотал я и подумал, что если бы кто-нибудь услышал эту беседу, то тут же заподозрил бы в нас пациентов из палаты номер шесть.

– Нет, не мог. Здесь у меня два дополнительных козыря: ее энергетический след и ты. Десять дней она спала на этой кровати, десять дней стальные пружины матраса впитывали ее энергию... При желании я даже смог бы увидеть, что ей снилось. Надеюсь, это поможет мне должным образом сосредоточиться, а ты... Ты сможешь мне обмануть судьбу.

– Каким образом? – поинтересовался я, чувствуя себя не совсем уютно в шкуре обманщика судьбы.

– Ты будешь моим посредником. Мы с тобой сейчас выйдем в астрал и я покажу тебе один приемчик... Короче, я буду подсказывать, ты – выполнять. Вот и получится, что судьбой Риты интересуется абсолютно чужой человек, а, значит, информация блокироваться не будет. Так что, особых проблем возникнуть не должно.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь... – я опасливо присел на край кровати. – Ну, веди, Вергилий!

Скинув шлепки, я лег рядом с «великим и ужасным» экстрасенсом Андрюшей, энергетический двойник которого (на нормальном языке – душа) уже находился на полпути между нашим материальным миром и «тонким» царством астрала. Прежде чем последовать его примеру и погрузиться в транс, я широко улыбнулся, вспомнив свои первые неуклюжие попытки покинуть тело. Тогда, чтобы попасть в иную реальность, мне приходилось по полчаса дышать, как паровоз, а потом еще крепко хвататься за протянутую экстрасенсом руку. Правда, за последний год я сильно продвинулся (или «сдвинулся», если вам будет угодно) Теперь мне всего лишь нужно было несколько минут тишины, предельной концентрации и...

– Добро пожаловать, двоечник, – приветливо оскалился Андрей, выписывая прихотливые кренделя вокруг меня, зависшего в пустоте между ослепительно голубым небом и бархатной черной бездной. – Долго возишься! Опять отлынивал от моих домашних заданий? Что головой мотаешь, кого обмануть хочешь? Твое счастье, что у нас времени в обрез, а то я тебе устроил бы... Диктант с контрольной. Ладно, не будем ждать милости от природы. Держи!

Я едва успел ухватить его протянутую руку, как на нас с чистых голубых небес обрушился непроглядный белый туман, на мгновенье скрывший от меня даже сжимавшего мою ладонь экстрасенса. А когда видимость немного наладилась, я даже ахнул от удивления: на голове Андрея красовался сверкающий какими-то самоцветами обруч, а плечи закрывало серебряное ожерелье-воротник, правильным полукругом спускавшееся до середины груди. Вся эта бижутерия смотрелась с выцветшими шортами и футболкой невероятно комично... и немного жутко.

– Что? Где? – завертелся Андрей, заметив мою реакцию. – Вот черт!

Его руки прошли по воротнику, нащупали обруч, отдернулись, словно металл был раскален до температуры плавления, и бессильно упали.

– Ты что-нибудь понимаешь? – осторожно спросил я.

– Кое-что. Не только на тебя свалились воспоминания прошлой жизни. Я ведь как-то говорил тебе про свое далекое прошлое. Ну, это когда я гладиатором работал. Так вот, есть у меня версия, что моей родиной, вероятнее всего, был Древний Египет. Кстати этот милый воротничок именно такого фасона, какой был здесь очень моден пару тысяч лет назад.

– Получается, что, попав на «историческую родину», ты...

– Получил на энергетическом уровне нечто аналогичное штампу, проставленному местной визовой службой в наших паспортах. Знать бы еще, хорошо это или плохо... – Андрей задумчиво почесал свой породистый нос, – Нужно будет заняться этими цацками как-нибудь на досуге. А сейчас, двинулись!

И мы двинулись.

Стена тумана неторопливо расступалась перед нами, но смотреть тут было абсолютно не на что, впереди, позади и во всех прочих направлениях нас окружала все та же белая муть.

Но вот Андрей, замер и, убрав руку с моего локтя, с силой махнул ею, будто отбрасывал некую завесу, находящуюся прямо по курсу. Зеркало. Метрах в трех перед нами возникло гигантское зеркало. Его края терялись в тумане, отчего возникало ощущение бесконечности этой чуть золотистой зеркальной поверхности. Самое интересное заключалось в том, что мы с Андреем в этой поверхности не отражались. И, тем не менее, я точно знал, что передо мной именно зеркало и ни что другое.

– Астральное зеркало, – подтвердил мои догадки сразу приободрившийся «великий и ужасный», из чего я заключил, что он до самой последней секунды не был уверен в том, что сумеет проделать этот фокус. – Теперь твоя очередь. Слушай внимательно и выполняй все в точности. Готов?

– Готов.

– Значит так. Постарайся, как можно подробнее представить себе мою Ритку. Ты ведь с ней до полночи лясы на кухне точил, Дон Жуан хренов, пока ничего не подозревающий отец в медитации находился.

– Ну, если состояние алкогольного опьянения называется медитацией...

– Стоп. Все, Игорь. Подкалывать меня будешь потом. А сейчас сосредоточься. Представил Риту?

– Да.

– Руку давай. Хорошо. Теперь трижды зови ее по имени и мысленно выводи к зеркалу. Как будто она к нам сзади подходит. Ну!

Я закрыл глаза и представил, как Рита в своем любимом черном платье больше похожем на комбинацию, плавно выходит из-за угла (хотя какой уж тут угол!) и походкой манекенщицы движется в нашу сторону. Она радостно улыбается нам, машет рукой, поправляя другой свои шикарные пшеничные волосы, в которых так просто запутаться мужскому падкому на красоту сердцу. А потом...

А потом я открыл глаза и сразу наткнулся на Ритин умоляющий взгляд, пришедший из Зазеркалья. Андрей шумно выдохнул и прошептал:

– Молодец!

Я, конечно, и сам знал, что я – молодец, но не до такой же степени! Рита как живая отражалась в зеркале. Только вместо черного короткого платья, на ней было длинное одеяние, бледно-зеленого цвета, в каких ходят молодые египетские женщины. А ее золотистую гриву полностью скрывал мусульманский платок – хиджаб.

– Что дальше? – хрипло спросил я, ощущая нетерпеливую дрожь Андрея.

– Спроси: где она, и что с ней.

– Вслух?

– Как хочешь...

Я повиновался. Ее губы дрогнули в ответ, и одинокая слеза проторила дорожку на бледной щеке. Андрей дернулся было, но быстро взял себя в руки. А Рита смахнула слезу, по-детски шмыгнула носом, и начала говорить.

– Черт, побери! Ты слышишь? Слышишь, что она говорит?! – вцепился в меня экстрасенс.

– Нет, не слышу. Как будто звук в телевизоре выключили. Но даже если бы и слышал, то ничего не сумел понять.

– Почему? – опешил экстрасенс.

– Я умею читать по губам, Андрей. Еще в школе выучился. Она отвечает мне не по-русски. Я, конечно, не лингвист, но рискну предположить, что Рита говорит на арабском.

– Это невозможно! Она закончила инъяз, но у нее профилирующим был английский, а второй – испанский.

– И все-таки, мне кажется, это арабский. Или какой-нибудь из восточных языков.

– Ах, мать твою! Ладно... Тогда попроси ее жестами показать, как она себя чувствует.

Я попросил. И Рита, очевидно вникнув в наши затруднения, быстро сложила кольцо из большого и указательного пальца. «О'кей», стало быть. Ну, слава богу...

– Теперь спроси, где ее держат, – нетерпеливо заплясал на месте мой гуру, и тут же выдал очередь отборного мата. Зеркало опустело. Лишь там, где мгновение назад стояла дочь экстрасенса, расплывалось золотистое пятно. А вскоре и его не стало.

– Все, – устало выдохнул Андрей. – Конец связи. На большее меня не хватило. Слишком велико сопротивление.

И помолчав, добавил:

– Знаешь, я ведь даже не был уверен, что она жива. Но теперь-то меня ничто не остановит. Весь Египет перерою, и Верхний и Нижний и астральный. Но это потом, а теперь давай возвращаться.

Но не успели мы даже повернуться, как странный звук, похожий на свист ветра играющего в развалинах городов, заставил нас замереть. Зеркало снова оживало, только вместо белой туманной стены его поверхность теперь отражала сгущающуюся черноту.

– Вот, что значит забывать про технику безопасности, – на бледном лице Андрея отразилась гамма противоречивых чувств. – Нужно было сразу закрывать его, а я ударился в отцовские переживания...

– И что это, по-твоему?

– Не знаю. Ничего подобного раньше не видел. Но думаю, что тебе пора уходить.

– А ты?!

– А я уже не могу.

И он сделал шаг к зеркалу, где в непроглядном мраке постепенно стали проступать контуры далекой пирамиды, подсвеченной пламенем многочисленных факелов. Пока удовлетворялось мое любопытство, Андрей успел сделать еще один шаг, прежде чем я повис у него на плечах, пытаясь сбить с ног. Дохлый номер! С тем же успехом можно было повалить памятник Ленину, до сих пор торчавший на площади нашего города. Но, видимо, мои действия на миг вернули экстрасенса к реальности, и он притормозил в двух шагах от нетерпеливо подрагивающего зеркала.

– Я все равно долго не продержусь, – выдавил он в перерыве между ломавшими его тело судорогами. – И ты меня не удержишь... Только затянет вместе со мной. Воспользуйся аварийным выходом!

– Сам воспользуйся!

– Не выйдет. Его теперь можно активировать, если только на мое валяющееся на кровати тело воздействовать чем-нибудь сравнимым по силе со взрывом межконтинентальной баллистической ракеты.

Но все же Андрей держался. И я, висящий у него на плечах, уже начал надеяться, что он сумеет избежать двух последних шагов, которые должны увести его за грань астрального зеркала. Видимо, сила притяжения немного ослабла, и экстрасенс даже сдвинулся чуть-чуть назад. Не без моей помощи. Но в этот момент в зеркале начала проявляться невысокая женская фигура. Внимательно наблюдая проступающие очертания, я очень быстро догадался, что это не Рита. Женщина стояла спокойно, но неосязаемый нами резкий ветер нещадно трепал полы ее длинного белого платья. Была она не слишком молода, смугла, темноволоса, и поразительно красива.

– Мама... – пробормотал Андрей, одним движением скинув меня с плеч, как надоедливую собачонку, и счастливо улыбнувшись, шагнул к зеркалу. – Мама!

Почти одновременно они подняли руки, потянувшись к золотистой границе, отделявшей их друг от друга. Еще секунда и...

И этот момент в уши мне ударил многоголосый гул, перед глазами взвихрились протуберанцы, а сознание начало меркнуть, выдав перед окончательной отключкой единственную членораздельную мысль: «Сработал аварийный выход».

Когда сознание вернулось, я обнаружил, что лежу на сексодроме, уставившись в потолок широко раскрытыми глазами. Рядом точно также таращился в пространство экстрасенс Андрюша. А возле кровати, прижав руки к объемной груди, возвышалась давешняя бальзаковская брюнетка, фыркавшая на нас в аэропорту Внуково, и изображала из себя противоугонную сигнализацию. То есть орала благим матом на всю Хургаду. Так вот, что за сила заставила сработать аварийный выход!

Не знаю, что подумала она, обнаружив в своей постели двух невменяемых мужиков, но наши с Андреем мысли были направлены исключительно на бегство. Подскочив на полметра над кроватью мы бросились к двери, стараясь по возможности разминуться с истерически закатившей глаза дамой, и, выскочив в коридор, в несколько скачков оказались у своего номера. На счет «раз-два», мы уже заперли дверь изнутри и без сил повалились на койки, прислушиваясь к переливам мощного женского контральто, доносившегося из коридора.

Вот так и получилось, что мы с Андреем вместо того, чтобы наслаждаться пляжными удовольствиями, безвылазно сидели в номере, опасаясь попасться на глаза нашей разъяренной соотечественнице. О ее душевном состоянии мы могли судить по нечаянно подслушанному разговору. Дама делилась с подружкой планом мести двум голубым маньякам, приставшим к ней еще в Москве и по каким-то извращенным соображениям, избравшим ее ложе для своих противоестественных утех. Основной идеей плана являлось обращение в туристическую полицию с жалобой на нарушенную неприкосновенность временного жилища, и попрание международных моральных норм.

– Хорошо хоть завтра мы уезжаем! – вздохнул экстрасенс. – Я ведь ей после ужина чуть на глаза не попался, и едва успел прикинуться упившимся в баре немцем. Для чего пришлось уткнуться лицом в стойку и изредка вскрикивать «Дас ис фантастиш!».

– Так ты, оказывается знаток, – поддел его я. – А говорил, что языками не владеешь... Кстати, о языках. У меня все из головы не идет то, что Рита общалась с нами на арабском. Что это, по-твоему, значит? И значит ли вообще что-нибудь?

– Ты уже десятый раз спрашиваешь! – взбеленился Андрей. – У меня даже язык устал отвечать. Но для особо одаренных повторяю еще раз: да, это что-то значит. Но поскольку наше общение происходило не с самой Ритой, а с ее энерго-информационным двойником, то значить это может все что угодно. От влияния местного колорита до присутствия арабской крови у ее далеких предков.

– Ну, хорошо, а одежда?

– Не знаю. Может, именно так ходят в гареме, в который ее привезли...

– Ты думаешь...

– Уверен. Сам же видел, как местные на наших баб западают. А она у меня красавица, да еще и голубоглазая блондинка в придачу. Вот какой-нибудь старый хрыч ее и... Ну, ничего, я ему устрою Содом с Гоморрой – небо с овчинку покажется.

– Послушай, Андрей, раз уж так все вышло... – я замялся. – Давно хотел тебя спросить... Ты можешь убить человека? Я имею в виду на расстоянии, с помощью экстрасенсорных воздействий? Ну, сглаз там или порчу навести, заклятие на смерть, проклятье до седьмого колена..?

Экстрасенс Андрюша внимательно посмотрел на меня, вздохнул и, оседлав стул, принял позу похмельного доцента на утренней лекции.

– Ты, дорогой мой ученик, все в одну кучу-то не вали. Сглаз и порча, это так – детский лепет. Любой энергетический сильный человек может сглазить просто разозлившись, позавидовав или что-то в этом роде. Сглаз – всего лишь результат неконтролируемого выброса отрицательной энергии. Порча – это уже действие направленное, с конечной целью нанести вред конкретному лицу. С мощной энергетикой и определенными оккультными знаниями делается на раз. А вот заклятие на смерть... В принципе, я действительно могу сделать так, что неугодного мне человека не станет. Не сразу, конечно... Через полгода, год... Теоретически это возможно...

– А практически?

– А практически... Видишь ли, Игорек, тут все упирается в вечный вопрос цены. Как бы это тебе подходчивей... Если совершаешь какое-то противозаконное действие (я имею в виду вселенские законы, а не УК РФ), то на твой кармический счет в строку «Должен» заносится сумма к примеру с пятью нулями. Это в случае, если действие совершено с привлече-

нием обычных средств. А вот если воспользуешься экстрасенсорикой – то к сумме твоего долга автоматически приписываются еще несколько полей. Короче, карма отягощается по полной программе. Так что если тебе приспичит кого-нибудь спровадить в райские кущи или в адское пекло, мой тебе совет – сделай это «вручную». Хотя если припечет по-настоящему...

Оборвав фразу, Андрей отвернулся и я понял, что сейчас он очень близок к тому, чтобы наплевать на все долги, суммы и нули вместе взятые. Свою Ритку он не простит никому.

– А проклятье до седьмого колена? – попытался я выдернуть его из цепких лап вендетты. – Оно существует?

– Угу, – буркнул экстрасенс, медленно всплывая из ледяного омута ненависти. – Существует. И самое интересное, что его может наложить даже ребенок. Если проклинаемый совершил воистину чудовищное преступление по отношению к проклинающему, то достаточно просто обрядовой фразы «Будь ты проклят» и – ку-ку. И детям его и внукам, а то и правнукам придется расхлебывать заваренную предком кашу.

– А если...

– Да что ты ко мне привязался?! – возмутился экстрасенс, – Уже час ночи, а нам, между прочим, в пять утра нужно уже в холле сидеть. Автобус ждать не будет... Ты лучше будильник свой поставь на 4:30...

Ну, я и поставил. Только включить забыл.

Распугавший предрассветную тишину телефонный звонок, заставил меня скатиться с постели и броситься к голосящему на все лады аппарату. Схватив трубку и выслушав все, что думал наш русскоговорящий гид по поводу пунктуальности российских туристов, я без всякого почтения разбудил своего беззаботно храпевшего гуру, устроив ему небольшой душ. И ровно через пять минут мы, зевая и чертыхаясь, доползли до заднего сидения зеленого как крокодил туристического автобуса. Где благополучно вернулись к просмотру прерванных снов.

Когда автобус, объехав все мыслимые отели Хургады, собрал желающих прокатиться в столицу Древнего Египта – Луксор, мы, наконец-то, выбрались из городка на неширокую трассу. После чего наш египетский гид – на вид стопроцентный араб, которого все почему-то называли Тони, проинформировал нас о дальнейшем маршруте. Оказалось, что в данный момент мы движемся (и хорошо движемся – поминутно «склеивая» автобусы конкурирующих фирм) к месту общего сбора, где будет составлен единый конвой для поездки в Луксор.

– А зачем этот конвой?! – донесся с переднего сидения до боли знакомый женский голос, заставивший наши волосы встать дыбом.

– Па-ба-ба-бам!!! – фальшиво пропел Андрей, подражая Бетховену. – Это не женщина, а карма какая-то! Представляешь, что будет, когда она обнаружит нас здесь?!

– А кто говорил, что ему благодарность из Космоса приходит через женщин? – не упустил я случая поддеть «великого и ужасного».

Я, – Андрей упрямо склонил голову. – И от своих слов не отступлюсь. Нужно только к ней ключик подобрать...

– А ты уже подобрал – шпильку. Когда в ее замке ковырялся...

– Пари?! – поджал губы Андрей, возмущенный моим неверием.

– На что?

– На твои две бутылки.

– Идет!

И мы так азартно ударили по рукам, что весь автобус повернулся в нашу сторону, в том числе и сама виновница дискуссии. Реакция дамы на наше присутствие была, вопреки ожиданиям, весьма сдержанной. Она всего лишь испепелила нас взглядом, подражая неумемному египетскому солнцу, и демонстративно отвернулась.

Когда ровно в семь часов условленного времени конвой из полусотни автобусов, возглавляемый полицейским джипом, тронулся в путь, мы все дружно прилипли к окнам, чтобы насла-

даться местным пейзажем. Но, быстро разочаровавшись в однообразии желто-охристых скал, громоздившихся складками по обе стороны дороги, начали потихоньку дремать под монотонное бормотание араба Тони, расписывающего предстоящую нам экскурсию.

Через несколько часов утомительного пути нам стали попадаться признаки жизни – мы приближались к плодородной долине Нила, ставшей колыбелью древнеегипетской цивилизации. Скоро Луксор. Там мы, промаявшись несколько часов на утомительных экскурсиях, погрузимся на теплоход и потратим три дня на путешествие в Асуан – город, где бесследно исчезла Рита Дементьева – дочь моего друга и просто классная девчонка. Затем ночным поездом нас отправят в Каир, для продолжения мучений. То, что все дни нам предстоит провести бок о бок с Пиковой Дамой (как тут же обозвал ее экстрасенс Андрюша), отнюдь не поднимало нашего настроения. Особенно если учесть, патологическую настырность, с которой она всю дорогу изматывала бедного Тони своими вопросами.

Наконец, мы въехали в Луксор и проследовали на западный берег Нила, где нас поджидало самое жаркое и недоступное место в Египте – Долина Царей, с выдолбленными внутри скал гробницами фараонов и скопищем разноплеменных туристов.

Сказать, что здесь было пекло, значит, не сказать ровным счетом ничего. По дороге Тони утешил нас, что в этом году в Луксоре не так жарко, как в прошлом, градусов 47—48. В тени. Но видимо он просто не хотел нас пугать, иначе мы ни за что не покинули бы уютного, а самое главное оборудованного кондиционерами автобуса. Когда мои сандалии кошунственно попрали священную землю Долины Царей, я ощутил себя ножкой Буша запекаемой в духовке, причем пошедшей на это почти добровольно.

Еще меня удручало то, что смотреть в гробницах было почти не на что. Все они были разграблены еще тысячи лет назад. Так что оставались только расписанные стены, кое-где тоже оббитые. Но экстрасенс Андрюша был совсем другого мнения, и с большим интересом и даже трепетом углублялся в катакомбы очередной гробницы. Я даже побоялся, что он свернет себе шею, так активно Андрей вертел головой, разглядывая древнеегипетские иероглифы. Пару раз мне даже показалось, что он их просто-напросто «читает», но это у меня, видимо, начался высокотемпературный бред. И все же поведение экстрасенса действительно переменялось. Едких шуточек он уже не отпускал, не вспоминал ежеминутно про холодное пиво, и даже не шарахался больше от Пиковой Дамы, вызывающе пересекавшей ему дорогу.

Наконец Тони смиловился и, загнав нашу группу всего лишь на полчаса в заупокойный храм царицы Хатшепсут, погрузил на катер, который и доставил нас к теплоходу под названием «Рамзес Великий». Там он объявил, что после обеда нам предстоит еще одна экскурсия, а потом мы свободны, как сокол Гор аж до самого завтрашнего утра, и скомандовал расселение по каютам. Получив, наконец, заветный ключ мы без задних ног ввалились в свои якобы пятизвездочные апартаменты с единственной мечтой – принять душ и горизонтальное положение хотя бы на полчаса.

Ровно через полчаса, выйдя в коридор, дабы проследовать в ресторан, мы нос к носу столкнулись с Дамой Пик, величественно выплывающей из номера напротив. После такого совпадения нас уже ничто не могло удивить. Даже то, что сидеть нам с ней пришлось за одним столом, пусть даже и шведским.

– Ничего не понимаю! – бормотал экстрасенс Андрюша, блуждая в лабиринтах Карнакского храма, куда нас, несмотря на сопротивление, безжалостно выгнали из автобуса отрабатывать экскурсионную программу. – Такая цепь случайностей просто не может быть случайной!

– Это ты про Пиковую Даму? – спросил я, отирая со лба трудовой пот туриста.

– Про нее, родимую. Думаю, должна существовать какая-то связь между ней и Ритой...

– Какая тут может быть связь? Она первый раз в Египте. Сам слышал ее разговор с подругой... Я, конечно, понимаю, ты за соломинку хватаешься... Но не стоит обольщаться. Это может быть простым совпадением.

– Не может. Я тебе как экстрасенс говорю. И предлагаю провести эксперимент.

– Господи, ну какой эксперимент? Может быть, ты хочешь, чтобы ее на наших глазах украли, а мы проследили похитителей и таким образом обнаружили твою дочь? Да ты на нее внимательно посмотри! Кто ж на такую позарится? Брось дурить. Тебе нужно поисками заниматься! Три дня всего осталось, а ты...

– Послушай, Игорь, – уставившись в каменные плиты, бывшие когда-то полом храма, Андрей принялся обводить пальцем узор, вырезанный на десятиметровой колонне неизвестным умельцем три с половиной тысячи лет назад. – Очень жаль, если ты еще не понял... Больше, чем я уже сделал, я сделать не смогу. Даже с твоей помощью. И остается надеяться только на то, что за эти три дня произойдет чудо, и мы получим какую-нибудь зацепку. Усек?

Это «Усек» Андрей почти выкрикнул, и я понял, что сжавшаяся внутри него пружина вот-вот лопнет, чего ни в коем случае нельзя допускать. В первую очередь по соображениям собственной безопасности. Поэтому мне оставалось только примирительно вскинуть руки.

– О'кей-о'кей. Согласен. Эксперимент так эксперимент. Что делать будем?

– Шататься по злачным местам, – усмехнулся Андрей, немного расслабившись. – Пойдем ночью в здешний Даун-таун. Если Пиковая Дама встретится нам в месте, куда ни одна нормальная женщина сунуться не рискнет, значит она действительно имеет отношение к нашей миссии... И тогда уж я возьму ее в оборот!

Вот так мы и оказались в два часа ночи в районе каких-то трущоб, где на каждом шагу сидели в обнимку с кальяном местные труженики полей – феллахи, щеголя длинными просторными рубахами-галабеями.

– Слышь, Андрей, – прошептал я экстрасенсу на ухо, игнорируя тот факт, что вряд ли кто-нибудь здесь понимал по-русски. – А тебе не кажется, что эти колхозники не просто табак курят? Запах какой-то странный.

– Не бойсь, Игорек. Просто в кальян не обычный табак кладут, и даже не табак вовсе, а специальную ароматическую массу из фруктов или цветов. Курение кальяна скорее ритуал, чем пристрастие к никотину. Там его почти и не...

Не dokonчив фразы, Андрей вдруг быстро оглянулся и, передернув плечами, чертыхнулся вполголоса.

– Что случилось? – как можно беззаботнее поинтересовался я. – Слежка? Мы под колпаком у местной охранки? Да, не молчи ты! За нами хвост?

– Можно сказать и так, – вздохнул экстрасенс, уставясь на меня невидящим взглядом, – Только не такой, как ты думаешь.

– А нельзя ли поконкретнее, господин экстрасенс?

– Можно, Игорь. За нами действительно кое-кто увязался. Только это не человек.

Мороз зазмеился узорами по моей коже, несмотря на тридцатипятиградусную жару. Только чертовщины нам и не хватало для полноты счастья!

– Это призрак, – как ни в чем не бывало, продолжил Андрей, придирчиво рассматривая выложенные на лотке фрукты. – Призрак моей матери.

Па-ба-ба-бам! Перед глазами сразу же замелькало наше астральное путешествие и черноволосая женщина, протягивающая руки к Андрею, чтобы увести его черт знает куда.

– Ты уверен? – только и мог спросить я.

– Еще бы! Она меня и в Долине Царей сопровождала. Только в гробницы не спускалась почему-то. И я подумал, что ошибся... На ярком солнце она была практически незаметна, а сейчас ее отлично видно. Смотри!

И Андрей крепко сжал мою руку. Сразу же выяснилось, что ночь не такая уж темная, а редкие лампочки не такие уж тусклые. Призрачный голубоватый свет заливал узкие переулки Даун-тауна. И в этом свете особенно ярко выделялась знакомая фигура в белом длинном одеянии. Маленькие изящные руки женщины-призрака лежали на плечах крест-накрест, а губы

шевелились в беззвучном монологе. Хотя нет, не беззвучном! Тихое пение на неизвестном языке заставило завибрировать каждую струнку в моем остолбеневшем теле. Я не понимал слов, но меня охватила такая тоска, что впору было в Нил с камнем на шее кидаться. Хорошо, что Андрей вовремя выпустил мою руку, иначе неизвестно, что бы я натворил.

– И ты утверждаешь, что это твоя мать? – приступил я к допросу третьей степени. – Но ведь я видел семейную фотографию у тебя дома. И женщина, которую ты тогда назвал матерью, ничуть не походила на эту. Полная противоположность!

– Ах, Игорь, неужели мне нужно тебе объяснять такие элементарные вещи! Чему я только тебя учил, бестолкового. Эта женщина была моей матерью пару тысяч лет назад. В прошлой жизни...

– Да, хоть в позапрошлой! – почему-то взбеленился я. – Она же тебя чуть на тот свет не утанула! Теперь вот опять преследует. Что ей, в конце концов, от тебя нужно?

– А вот это мы сейчас узнаем.

И Андрей, резко повернулся к одному ему видимой женщине, чтобы через секунду, обесилено перевести дух.

– Все. Ушла. И не ответила ничего. Зря я, наверно, с ней так решительно. Мать все-таки... Слушай, а не пора ли нам горло промочить? Пивком холодным? А?!

Андрей с надеждой уставился на меня, ожидая ответной реакции. А дождавшись, широко улыбнулся и тут же предложил ради экономии средств не ходить в кафе, где велась лицензированная торговля алкогольной продукцией, а найти местных «жучков», чтобы купить у них пару бутылочек по цене, куда более подходящей для российских туристов. Пустив в ход свои познания в языке Шекспира и Диккенса, я очень скоро выяснил, что продать нам пиво может некий Али (причем ударение делалось на первый слог). Мгновение спустя мы двинулись в указанном направлении, а бойкие мальчишки, облепив нас, как саранча посева, наперебой вызывались быть нашими проводниками и все требовали какой-то «бак шиш».

– Кажется, это значит «на чай», – пробормотал я, припоминая последний инструктаж Тони. – Дословно: «На курево». Н-да, боюсь, что мой английский здесь не поможет...

– Точно. Несут абракадабру какую-то, – Андрей, аккуратно, отцепил от себя одного особо зарвавшегося пацаненка, – Хоть бы одно слово по-русски услышать!

И тут мы услышали.

– Ой, мамочки!!! – донеслось из темного переулка.

На мгновенье мы застыли как вкопанные, а потом ринулись на голос. Картина, представлявшая нашим взорам в скудном освещении болтающегося в тридцати метрах фонаря, запросто могла служить иллюстрацией к фильму ужасов. Про зомби. В центре круга, образованного толпой находящихся в прострации феллахов, смутно белела одинокая женская фигура, судорожно прижимающая к себе сумочку, и в ужасе озирающаяся в поисках выхода из гортанно вскрикивающего мужского кольца. «Сейчас слопают, промелькнуло в голове, – или еще что похуже сотворят». И я бросился пробивать дорогу к обреченно застывшей женщине. Нет, я не сворачивал носов и не дробил челюстей, просто медленно, но верно проталкивался вперед, чувствуя на затылке учащенное дыхание Андрея.

То, что его эксперимент удался, дошло до меня далеко не сразу. В растерянной и испуганной женщине не легко было узнать вгонявшую нас в краску Пиковую Даму. И сгустившийся сумрак тут совсем не причем. Просто черный бесформенный балахон, в котором она щеголяла, несмотря на невыносимую жару, сменился на нечто серебристо-длинное, донельзя декольтированное, до предела облегающее, да к тому же на бретельках.

«Это надо же быть такой идиоткой!» – подумал я, срывая с себя рубашку и набрасывая ее на шарahnувшуюся было прочь даму, – Мало того, что поперлась одна в такой удаленный район, да еще и вырядилась, так чтобы почувствительнее задеть весьма падкие на женские формы мусульманские чувства!»

Едва эти самые формы были частично укрыты моей гавайкой, как толпа вышла из ступора и начала потихоньку рассасываться. Так что скоро мы остались наедине с горько рыдающим созданием, сразу переставшим быть величественной Пиковой Дамой, и превратившимся в обычную перепуганную до потери сознания женщину.

– Ну, что ты! – Андрей приобнял ее за плечи и извлек откуда-то огромный жутко мятый носовой платок. – Все уже кончилось. Пойдем-ка, красавица, с нами. А не то еще в какую-нибудь неприятность вляпаешься.

Бывшая Дама мелко закивала и, схватившись за нас, как за выданную после полугодовой задержки зарплату, побрела сквозь возбужденно галдящую толчею, поминутно спотыкаясь на ровном месте. Не прошли мы и десяти шагов, как Андрей хлопнул себя по лбу.

– Ё-твоё-наше! Мы ведь пиво забыли купить! А оно, между прочим, самое верное средство для залечивания душевных ран. Предлагаю разделиться. Ты, Игорь, веди даму на теплоход, а я, уж так и быть, займусь продрозверсткой местного населения.

Не успел я напомнить ему, что незнание английского сводит его шансы разжиться вождельным напитком к абсолютному нолю, как Андрей, круто развернулся и тут же затерялся среди лотков и лавчонок самого разного пошиба.

Добравшись до набережной и отыскав среди, казалось, бесконечной череды кораблей «Рамзеса», я галантно провел Даму мимо замерших администраторов в нашу каюту. Тихое бормотание за спиной я отнес на счет не только ее нестандартного внешнего вида, но и своего собственного. Мало того, что явился полуголым, а тут еще эти руны на моей груди... Аллах знает, что они про меня подумали. И не они одни. Едва мы вступили на родной борт, моя подопечная оживилась и начала бросать на меня косые взгляды, прямо-таки переполненные любопытством.

Едва я усадил ее в кресло и предложил чашку кофе, как дверь хлебосольно распахнулась, пропуская увешенного сумками и пакетами экстрасенса. Не знаю, на каком языке он общался с аборигенами и каким образом сумел миновать бдительных администраторов, строго пресекающих пронос хмельных напитков на борт вверенного им судна. Но того, что Андрей принес, нам хватило на всю оставшуюся ночь задушевных разговоров и покаянных исповедей.

Само собой первым номером шла повесть о НАСТОЯЩЕЙ ЖУРНАЛИСТКЕ. Да-да. Наша Дама Пик или Евгения Иосифовна Шеина оказалась представительницей второй древнейшей профессии. Строгий редактор районной малотиражки подписал ей заявление на отпуск с одним жестоким, но справедливым условием: по окончании поездки явиться с готовой статьей, раскрывающей перед читателями все прелести отдыха в стране фараонов. Теперь нам стала понятна та дотошность, с которой Евгения Иосифовна бомбардировала вопросами несчастного Тони. Но...

– Но бога ради, объясните, пожалуйста, что вы делали в Даун-Тауне, в одиночестве, в такое время, и в таком виде? – не выдержал я, доставая из холодильника пятую бутылку, уже успевшую немного остыть и перестать пениться.

– Эксперимент проводила... – смущенно потупилась Шеина.

– Что?! – не поверили мы.

– Эксперимент! – уже с напором повторила она. – Нам гид еще в Хургаде сказал, что Египет самая безопасная страна в мире. И что здесь женщина может даже ночью спокойно гулять по городу с кошельком полным долларов. Хоть в чем мать родила. Ну, на это я не отважилась, но...

– Но были очень близки к этому, – поддержал разговор экстрасенс Андрюша, пройдясь оценивающим взглядом по ее достопримечательностям. – Вероятно, местные жители что-то напутали, и отнесли вас к представительницам первой древнейшей профессии. Вам очень повезло, что мы оказались рядом.

– Действительно, повезло! И я очень вам благодарна, но не сочтите за наглость, объясните, что вы все-таки делали в моей постели?!

Мы с Андреем переглянулись. И все рассказали.

Затаив дыхание она выслушивала наши немного упрощенные объяснения и время от времени машинально пыталась нажать на кнопку записи отсутствующего (к ее великому сожалению) диктофона. По мере убывания пива в холодильнике рассказ экстрасенса обрстал все более красочными подробностями. А к пяти утра Андрей уже принялся за наши северные похождения, не забыв описать, кто и зачем вырезал на моей груди двенадцать скандинавских рун. Первая – Ас, потом – Яра... Тюр... Рейд... Дагаз...

– Т-то, что Игорь с друзьями ост-тался тогда в живых, – пошатываясь и воздев указательный палец вверх, вещал экстрасенс замогильным голосом, – есть редчайшее проявление неких могущественных сил, недоступное нашему заматериализованному пониманию!

И повернувшись в мою сторону, хитро подмигнул: молчи, мол, и не мешай обрабатывать клиента.

– А лично вы, Женечка, верите в сверхъестественное?

– Раньше не верила. А сегодня... Когда вы так вовремя появились... Только не смейтесь, но буквально за несколько часов до своего эксперимента я купила в одной антикварной лавке египетский амулет, приносящий удачу и защищающий от зла. И когда они меня окружили... Сама не знаю почему, но я достала его из сумочки и сжала в руках. И тут же появились вы...

– Ну, на-а-адо же, – протянул экстрасенс, основательно задетый за живое. – А не покажите ли его мне? Никогда не упускаю случая взглянуть на магическое народное творчество.

– Да, пожалуйста! – и Евгения Иосифовна быстро извлекла из сумочки довольно крупный кристалл кварца, висящий на простом черном шнурке. – Это он.

– Да, это он... – прошептал экстрасенс Андрюша, осторожно вынимая кристалл из рук журналистки. А потом медленно закрыл глаза и прижался к нему щекой. – Я подарил его Рите на совершеннолетие, и она никогда не расставалась с ним.

Глава 2

– Не понимаю! – бесился я, глядя на скользящие мимо зеленые берега великой реки, сплошь покрытые финиковыми пальмами и зарослями папируса. – Не по-ни-ма-ю!

– Чего, мой недогадливый ученик? – уточнил экстрасенс Андриюша, внимательно наблюдавший за Пиковой Дамой, которая самозабвенно плюхалась в бассейне, расположенном на верхней палубе нашего круизного судна.

– Не понимаю, почему мы спокойно плывем в Асуан вместо того, чтобы взять за жабры владельца антикварной лавки и вытрясти из него каким образом к нему в руки попал амулет твоей дочери?!

– Потому, что амулет попал к нему, скорее всего, через третьи или даже десятые руки. А на отслеживание всей цепочки у нас нет ни времени, ни средств. А главное, нет необходимости...

– То есть?

– То есть мне не нужно прикладывать раскаленное железо к пяткам местных торговцев и перекупщиков, чтобы узнать местонахождение Риты. Теперь у меня есть вещь, над которой я бился почти два месяца, выкладываясь, как спортсмен на Олимпийских Играх. Благодаря этому обстоятельству и тому, что Рита несколько лет носила кристалл, не снимая, между ними установилась устойчивая связь. Нам осталось всего лишь еще раз наведаться в астрал, и с его помощью отыскать дорогу к моей дочери.

– Что-то больно просто!

– Не просто, но выполнимо. Только мне нужно немного... подготовиться.

И Андрей, покосился в сторону бара, где среди бутылок всех калибров и мастей скучал в отсутствии клиентов молодой смазливый египтянин. Я только рукой махнул. То, что после нашей ночной оргии «великого и ужасного» донимало похмелье было не удивительно. Удивляло то, что он не наведалься сюда сразу же после завтрака, а стойчески переносил последствия пивной передозировки почти до полудня.

– Вот, что, Игорек, – Андрей еще раз заворуженно взглянул на Пиковую Даму, закончившую водные процедуры и растянувшуюся на лежаке. – Ты как-нибудь потактичней намекни ей, чтобы не беспокоила нас в ближайший час. Нет, лучше два. На всякий случай. Потом иди в каюту и жди меня там, а я пока здоровье поправлю.

Вздыхнув, экстрасенс поднялся, и, помяная недобрым словом тройную ресторанный наценку, двинулся к стойке, где немедленно приступил к поправке пошатнувшегося здоровья. А я пошел выполнять поручение своего гуру, которое по сложности оказалось сравнимо с покорением Эвереста. Мадам Женя ни в какую не желала оставаться в стороне от важных событий (сказывалась журналистская закалка) и начала бомбардировать меня наводящими вопросами, от которых я едва успевал уклоняться. В общем, минут через двадцать заручившись моим клятвенным обещанием: дать ей подробный отчет о предпринятых нами действиях, Евгения Иосифовна сменила гнев на милость и, перевернувшись на уже слегка обуглившийся живот, подставила немилосердно палящему светилу еще нетронутую загаром спину. Догадавшись, что аудиенция окончена, я поспешно ретировался и, спустившись в каюту, застал там почти здорового экстрасенса.

– Ну, что? – подмигнул он мне, устраиваясь на кровати и прижимая Ритин амулет к груди. – Поехали?

– Поехали! – бодро ответил я, на секунду представив себя Гагариным.

И мы «поехали».

Дальше все пошло так же, как в нашем прошлом «выходе». Для затравки «великий и ужасный» опять устроил небольшой разнос своему нерадивому ученику, за невыполнение

домашних заданий по скоростному вхождению в транс, а потом придирчиво ощупал свои неизвестно откуда берущиеся украшения.

– Представляешь, Игорек, я ведь их каждую секунду ощущаю! Даже когда сплю. Мешаются жутко. Знать бы еще, какой от них толк... А, ладно! Не до того сейчас. Вот, смотри, – захлестнув шнурком запястье, Андрей, поднял кристалл на уровень глаз. – Сейчас я настроюсь на образ Риты... Видишь?!

Я видел. Видел, как внутри амулета вспыхнула чуть заметная искра, и по мере того, как Андрей все напряженнее вглядывался в кварц, она все увеличивалась, увеличивалась... Пока кристалл не наполнило ровное зеленоватое сияние.

– А теперь пошли.

– Куда?

– Сейчас узнаем, – пробормотал Андрей и медленно двинулся сквозь туман. – Видишь? Гаснет. Значит, не туда...

Попробовав несколько направлений, экстрасенс, наконец, удовлетворенно хмыкнул, продемонстрировав мне, как все сильнее и сильнее разгорается в амулете холодное зеленое пламя.

– Ну, вот. Полдела сделано. Теперь нам остается только не слишком уклоняться от курса.

И мы не уклонились. Потому что через полчаса амулет в руке Андрея ослепительно вспыхнул, заставив туман на миг расступиться.

– Мы на месте, – Андрей облизал пересохшие губы. – Теперь я проведу тебя в реальный мир. Запомни, никакой самодеятельности. Ты в тонком теле все больше по другим мирам шатался, а в наш попадаешь впервые. Тут есть свои нюансы. Во-первых... Черт! Нет времени тебе лекции читать. Делай как я, и все будет оки-доки.

Подбодрив меня таки напутствием, экстрасенс сжал мою руку, и через секунду мы уже стояли в хорошо освещенной просторной комнате. Я сразу же завертел головой, стараясь запомнить как можно больше деталей, – вдруг пригодится? Когда суешь голову в петлю, не стоит забывать, что любая мелочь может впоследствии сыграть роль спасительных ножниц. Или куска мыла.

Двигаясь вслед за Андреем через комнату, я с удивлением отметил, что обставлена она вполне по-европейски. Только узорчатые ковры, разбросанные по полу, придавали ей слабый восточный колорит. Зато почти всю ближайшую стену комнаты занимал огромный телевизионный экран, из которого неслись переливы арабских мелодий, а на небольшом, встроенном в нишу столе мне сразу бросился в глаза новейший ноутбук в купе с полагающейся к нему оргтехниккой. Я хмыкнул и обернулся, собираясь поинтересоваться у «великого и ужасного», не ошибся ли он адресом, но сразу же осекся. Андрей, не мигая, уставился на притаившуюся в другом углу кровать, над которой величественно развернул свои крылья парчовый балдахин, скрывая от любопытных взоров арену любовных игр. Что-то происходило за тяжелыми занавесями, и не нужно было быть экстрасенсом, чтобы догадаться что именно. Кровать разве что ходуном не ходила.

Я стоял, чуть позади экстрасенса и не видел его лица, но неожиданно вспыхнувшая вокруг него алое свечение ненависти, заставило меня попятиться. Черт! Он же почти невменяем! А вдруг сейчас натворит такое, что нам потом придется расхлебывать до конца своих дней? В голове моей уже почти сложился план операции «Перехват», когда я спиной ощутил странное покалывание, через мгновение переросшее в жгучую боль, которая быстро расплзлась по всему телу. В газах зарябило, а горло стиснул такой спазм, что я даже пикнуть не мог. Так и стоял молча, пока судороги, выворачивали мне конечности под невозможными углами. Пожалуй, еще немного и я узлом бы завязался, но тут Андрей повернулся в мою сторону, очевидно намереваясь дать своему ученику необходимые инструкции, ахнул и, подскочив, одним движением отбросил меня на середину комнаты с силой, которую в нем трудно было заподозрить.

– Уф, – пробормотал он, придавая вертикальное положение моему еще не вполне работоспособному астральному телу. – Как же я забыл тебя предупредить! Совсем голову потерял, от увиденного...

– Что это было? – прохрипел я.

– Как что! Экран. Не забывай, что сейчас ты просто сгусток электромагнитных волн и, попадая в сильное электромагнитное поле, подвергаешься его деструктивным воздействиям. А здесь, гляди, телек какой громадный, да к тому же плазменный. Вот тебя и скрючило, как интеграл. В следующий раз будь осторожней.

– Значит, любой тостер из меня может душу вынуть?! – возмутился я, – Хорошенькое дело!

– Ну, вынуть не вынет. Чего ее вынимать? Ты же сейчас и есть – голая ничем не прикрытая душа, на просвет всю изнанку видать. А вот воздействие любой электроприбор на тебя оказать может. Впрочем, как и ты на него. После соответствующей тренировки, естественно...

В качестве иллюстрации своих слов Андрей напрягся так, что пот проступил над губой и, прищурившись, напряженно глянул на мельтешащий клипом экран, после чего тот протестующе вспыхнул и погас.

– Блин, опять спутник потеряли! – донеслось из-за полога восклицание, заставившее нас вздрогнуть. В ту же секунду занавески над кроватью раздались в стороны, пропуская возмущенную до глубины души Риту в черных атласных лосинах, спортивном купальнике и скрученной в жгут повязкой на лбу.

– Только в ритм войдешь и на тебе! – продолжала возмущаться девушка, шелкая пультом, – Ну, вот, давно бы так.

И под воскресшую музыку Рита начала делать махи ногами, слегка придерживаясь за кроватьный столбик.

– Аэробика, – растерянно пробормотал экстрасенс Андрюша, и, медленно закипая, продолжил. – Это она, значит, аэробикой на кровати занимается, а отец в это время с ума сходит. Ну, погоди, Ритка! Вернешься домой, пропишу тебе курс «кожаных таблеток» по мягкому месту. Нет, ты только посмотри, Игорек, какая растяжка! В этом году краевой чемпионат по бальным танцам выиграла. Видел бы ты, что в зале творилось, когда она со своим Костиком самбу отплясывала...

Андрей, вероятно, мог еще долго расписывать достоинства продолжательницы рода Дементьевых, но в этот момент массивная дверь бесшумно открылась, и на пороге возник высокий эффектный араб. Был он в обычном европейском костюме, но даже изделие Версаче не в состоянии было скрыть природной грации его движений. Кобра. Сытая и до времени почти безопасная кобра. А что пиджак чуть оттопыривается подмышкой – это всего лишь еще одно доказательство того, что к Рите пожаловал охранник. И не из простых.

– Добрый день, мисс Рита, – произнес он звучным приятным голосом.

– И тебе того же, Карим, – холодным тоном произнесла Рита, как ни в чем не бывало, усаживаясь на поперечный шпагат. – Рановато ты сегодня. Что-нибудь случилось?

– О чем они говорят?! – затряс меня экстрасенс Андрюша, и я запоздало сообразил, что разговор ведется по-английски.

Удовлетворив его законное любопытство, я начал внимательно прислушиваться к неродному языку, и с чувством глубокого удовлетворения констатировал, что понимаю абсолютно все.

Даже во временах не путаюсь. Выучил-таки!

– Я пришел сообщить, что в ближайшие несколько дней вы, наконец, встретитесь с нашим гостеприимным хозяином – господином Ашрафом Салехом. К его большому огорчению все эти долгие недели он не мог засвидетельствовать вам свое почтение лично. И в качестве извинений просит принять от него эту маленькую безделушку.

Достав из кармана пиджака бархатную коробочку, Карим проницательно посмотрел на Риту и, немного поколебавшись, поставил подарок на туалетный столик.

– Я не принимаю подарков от человека, который лишил меня самой большой драгоценности в мире! – высокопарно произнесла Рита. – Моей свободы!

Эту обличительную речь дочь экстрасенса произнесла все так же сидя на шпагате, но, не смотря на не соответствующую моменту позу, спич прозвучал весьма вызывающе.

– Видал! – хлопнул меня по плечу экстрасенс Андрюша, внимательно выслушав мой перевод. – Королева Марго! Вся в отца.

Я хотел заметить, что упаси Риту бог пойти в отца, но сосредоточился на ответе секьюрити.

– Мисс Рита, примите дружеский совет: не произносите то, что вы сказали мне, в присутствии господина Ашрафа. Мой двоюродный дядя крайне отрицательно относится к любого рода неповиновению. Обед вам принесут как всегда. И, пожалуйста, не швыряйте больше в официанта кофейником, он всего лишь выполняет свою работу. Счастливо оставаться, мисс Рита.

И двоюродный племянник Ашрафа Салеха, повернувшись на каблуках, чуть раскачивающейся походкой проследовал к двери. Лишь на секунду задержавшись, чтобы еще раз взглянуть на выполняющую наклоны Риту. Гордый по самое нехочу Андрей умиленно взирал на дочь, и потому не заметил в этом взгляде полыхнувшую верховым пожаром злобу. Па-ба-ба-бам!

– И что теперь? – мой вопрос вернул экстрасенса к грубой прозе жизни.

Слегка вздрогнув, Андрей обернулся, и я опустил глаза, чтобы не видеть выражения горькой нежности на его осунувшемся лице.

– Теперь – на разведку. Надо же установить, где эта халупа находится... – вздохнул он и, присев на корточки напротив качающей пресс дочери, погрозил невидимой ей рукой, – Смотри, Риток, глупостей без меня не наделай. А главное, язычок свой за зубами держи. Папочка скоро придет за тобой и никому здесь мало не покажется...

С этими словами Андрей погладил дочь по затылку, и я с удивлением увидел, как Рита прервала спортивные издевательства и удивленно оглянулась.

– Какая чувствительность! – восхитился экстрасенс Андрюша. – Вся в меня! Хотя экстрасенсорные таланты чаще всего передаются через поколение, но тут случай особый. И совсем не обязательно поглядывать на бесполезные здесь часы, Игорек. Не беспокойся, свиданка уже окончена.

Нехотя поднявшись, Андрей, обогнул меня, словно неодушевленный предмет, и подошел к двери.

– Ну, и как ты собираешься ее открывать? – полюбопытствовал я, заглядывая ему через плечо.

– Открывать?! Неужели ты не видел фильма «Приведение»? Побойся бога, Игорь! Такими глупыми вопросами ты запросто можешь довести своего гуру до инфаркта.

Окончание этой фразы экстрасенс произнес, проходя сквозь дверь, оставив в комнате для общения только голову и часть плеча.

– Чего столбом застыл, рыцарь джедай? Двигай за мной!

И я двинул.

Ощущения были странными. Очень. Я, несомненно, преодолевал какую-то преграду, но сопротивление было настолько слабым, что, казалось, будто мне приходится раздвигать не слишком плотный воздушный поток. В глазах на мгновение потемнело и вот я уже стою в коридоре по ту сторону дубовой двери. Н-да-а-а, круто, ничего не скажешь. И все-таки я сказал «Ой!», потому что вместо экстрасенса Андрюши нос к носу столкнулся со стоящим возле двери охранником.

– Не бойсь, Игорек. Он ведь даже не подозревает о твоем присутствии, – подбодрил меня согнувшийся в три погибели экстрасенс Андрюша, внимательно разглядывая висящий на плече охранника автомат. – Ишь, какой компактный! Я таких ни разу не видел. Как думаешь, это «УЗИ»?

– А какая тебе разница?

– То есть как «какая»?! Вот прикидываю, из чего в меня палить будут, ежели что...

– Погоди-ка, погоди, – у меня аж дыхание перехватило. – Ты что же собираешься самостоятельно Риту вытаскивать?

– Ну, да! С твоей помощью, разумеется...

– Черта с два! Я сам не пойду и тебе не позволю! Узнаем, где ее держат, и сразу же в консульство. Или что там у нас в Каире? Посольство? Короче, ролевая игра в Джеймсов Бондов отменяется... У меня уже был печальный опыт подобной авантюры и ты прекрасно знаешь, чем он закончился. Так, что я теперь ученый на всю оставшуюся жизнь. Никакой самодеятельности! Ты, понял, Андрей?

– В том то и дело, что в отличие от тебя я кое-что понял. И если тебе ничего не говорит имя похитителя, то мне оно говорит о многом. Между прочим, Ашраф Салех – один из самых богатых людей в Египте. Нефтяной король. Может не такой богатый, как нефтяные воротилы Саудовской Аравии, но несколько сотен миллионов в личном пользовании у него всяко имеется. А теперь подумай: есть ли шанс прижать такого финансового монстра официальными дипломатическими путями? А? Чего молчишь?

– Думаю...

– Ну, думай-думай. Только глаза разуй и ногами шевели. Нам нужно хорошенько изучить здешние лабиринты. Сколько охранников, где стоят, и вообще, где эта чертова резиденция находится...

Андрей отвесил охраннику астральную оплеуху, на которую тот, разумеется, не обратил никакого внимания, и быстро двинулся вдоль коридора, периодически просовывая голову в стены на предмет изучения оперативной обстановки. Пришлось последовать его заразительному примеру, и вскоре мы имели вполне точное представление о расположении и назначении комнат третьего этажа. Самым важным был признан тот факт, что охранялась только Ритина комната. Все остальные помещения, как две капли воды похожие на виденные нами апартаменты были пусты.

– Ничего не понимаю, – бормотал Андрей, спускаясь по укрытой коврами лестнице, – Не дом, а гостиница какая-то. Причем гостиница с минуту на минуту ожидающая массового заезда гостей.

– С чего ты взял? – вытащил я голову из очередной проверяемой комнаты.

– Цветы. В каждой комнате в вазах стоят свежесрезанные цветы.

– Действительно странно. Как думаешь, на втором этаже будет то же са...

Не успел я закончить фразу, как едва не шарахнулся от поднимающейся по лестнице престранной фигуры. А чтобы вы сделали, увидев перед собой человека в средневековом камзоле, ботфортах, шляпе с перьями и шпагой на боку? Вот и я немного занервничал. Особенно, когда сообразил, что он нас ВИДИТ.

– Оба-на! – выдохнул экстрасенс Андрюша, замирая на месте.

Странный мушкетер тоже остановился и, поедая нас глазами, нерешительно приподнял шляпу, будто приветствовал. И тут меня пробрала дрожь. Потому что под шляпой находились только две трети головы. Одна треть необъяснимо отсутствовала, в результате чего на всеобщее обозрение были выставлены серо-розовые извивы биологического компьютера, в просторечии мозга.

– Уф, – облегченно перевел дух экстрасенс, которого эта демонстрация почему-то успокоила. – А я-то думал, что у меня уже крыша поехала...

И он начал совершать рукой жест, который я однажды уже видел в его исполнении. Это когда на первой экскурсии в астральный мир меня чуть досуха не выжала одна симпатичная вампирша. Но, столкнувшись с молящим взглядом «мушкетера», Андрей остановил руку на полпути и, досадливо махнув ею, сделал мне знак следовать за ним. Миновав вжавшегося в угол шеваляе, мы спустились на второй этаж, и я, ухватив за руку своего гуру, пристал к нему как банный лист:

– А теперь что это было?!

– Привидение, Игорь. Самое обыкновенное привидение. Неприкаянная душа, по какой-то причине не отправившаяся в пункт назначения. Я настолько не ожидал ничего подобного, что даже испугался, и чуть было не отправил парня в места не столь отдаленные и куда менее приятные, чем это. А потом пожалел. В конце концов, он мирный, никого не трогает... Может ему повезет, и та причина, по которой он задержался в этом мире, исчезнет, позволяя ему обрести покой. Во всяком случае, сам он на это очень надеется. Так мне показалось...

– А почему он нас видел? – спросил я.

– Потому что в данный момент мы с ним на равных. В каком-то смысле нас тоже можно считать приведениями, только пока еще живыми, тьфу-тьфу-тьфу. И если призрак за редким исключением не имеет возможности воздействовать на материальный мир, то в твоём нынешнем состоянии он запросто пожмет тебе руку. Или проткнет шпагой насквозь.

Выслушав такое пояснение из уст «великого и ужасного», мне оставалось только покачать головой, медленно шедшей кругом от происходящего, и взяться за обследование второго этажа. Правда, ничего нового мы здесь не увидели. За одинаковыми дверями нас поджидали все те же безлюдные комнаты. Обманутый кажущейся пустотой я на время расслабился, и оказался абсолютно не готов к очередному сюрпризу. Когда из коридорной стены на нас прыгнул огромный викинг, размахивающий боевым топором, Андрей как раз изучал последнюю комнату, так что голова его находилась по ту сторону запертой двери, а все остальное по эту. Времени на раздумья у меня не было, и я, помянув недобрым словом чересчур агрессивную эктоплазму, вклинился между экстрасенсом и бешено вращающим глазами призраком, чтобы перехватить его занесенную для удара руку. Когда мои пальцы обхватили могучее волосатое запястье, и мне уже почти удалось провести несложный прием по разоружению своего противника, викинг удивленно замер, часто заморгал и сделал попытку отшатнуться. Не знаю почему, но я ему это позволил. Он немного постоял, разглядывая меня так, будто хотел запомнить на всю оставшуюся вечность, и, медленно попятившись, скрылся в стене.

Отерев со лба холодный пот, я вынул экстрасенса из двери, коротко ввел его в курс происшедшего и потребовал объяснений. Но не успел Андрей рта раскрыть, как к нам опять пожаловали гости. На этот раз это был полуголый египтянин с головой лысой как коленка, вооруженный коротким бронзовым копьем и какой-то кирасир времен Отечественной войны 1812 года. Правда эта парочка даже приблизиться к нам не пожелала и, так же как викинг, быстро свернула в ближайшую стену. В ответ на мой испытывающий взгляд «великий и ужасный» только руками развел, увлекая меня на первый этаж.

Смятение закономерно воцарившееся в наших умах мало по малу уступало место любопытству, которое в свою очередь сменилось апатичным созерцанием. Так что, когда позади нас на цыпочках прокрался пещерный человек с каменным топором, мы даже головы поленились повернуть.

– Ты заметил, что все они умерли не своей смертью? – спросил экстрасенс Андрюша, зависший под потолком в поисках сигнализации и камер наблюдения.

– Еще бы не заметить! – отвлекся я от изучения широкого холла и фонтанчиками, водопадиками и удобными диванами, в конце которого явственно наблюдался выход. – У египтянина колотая рана в грудь. Кирасир вообще разрублен от плеча до пояса. А что? В этом есть что-то необычное?

– Да, нет. Все в рамках базовой теории... В основном приведения именно так и получаются. Когда человек умирает внезапно. Ему даже некоторое время кажется, что он жив, и очень удивляется тому, что на него никто не обращает внимания. Короче, то, что все они умерли насильственной смертью, меня не удивляет. Удивляет, почему призраки людей, живших в разных странах и эпохах, собрались именно здесь. Неужели, временной колодец?! Нет, я бы почувствовал...

– Ты бы лучше почувствовал, что на рожон лезешь, – буркнул я, прикидывая, каким способом мне нужно будет воздействовать на Андрея, чтобы на время вывести его из игры, по крайней мере, до Каира. Правда, ничего более действенного, чем принесение в жертву своих двух бутылок со «Столичной» и пачки димедрола, в голову не приходило.

Досконально изучив начинку этого странного здания, мы со скрипом просочились сквозь бронированную входную дверь (оказывается, для преодоления металлической преграды требуется прилагать немалые усилия), и оказались в небольшом парке, назло окружающей пустыне утопавшем в зелени и огороженном бетонным забором. Никакой колючей проволоки под высоковольтным током, никаких вышек и прочих неперемных атрибутов, возникающих в нашем воображении при упоминании словосочетания «строго охраняемая частная территория», вокруг не наблюдалось. Правда, у ворот находился еще один пост секьюрити, но это скорее для очистки совести и пускания пыли в глаза всевозможным гостям.

– Ну? – победно спросил экстрасенс Андрюша, разглядывая скалы, огораживающие этот оазис с востока. (Солнце стояло в зените и мне не составило труда провести ориентирование на местности).

– Что «ну»?

– Это же будет проще простого. Видишь ту площадку, прямо над резиденцией? – его палец ткнул в относительно ровный участок, приблизительно метр на два, на десятиметровой высоте, – Приходим ночью, забираемся туда, я мал-мало колдую, спускаемся... Видишь, какой удобный спуск, даже в темноте не промахнемся. Забираем Риту и делаем ноги.

– Угу. Вот так просто забираем...

– Конечно, просто. Мы вообще весь гарем этого Ашрафа могли бы увести, если бы знали, где он тут находится.

– А охрана в это время будет спать крепким сном людей с чистой совестью?

– Именно, дорогой мой джедай! Будет спать крепким сном.

– Постой, – догадался я, – ты их усыпишь? На расстоянии? Врешь!

– Какое недоверие! Если хочешь знать, ничего суперсложного в этом нет, было бы время на подготовку. Ну, и, конечно, нужно чтобы объект не знал о готовящемся воздействии и не сопротивлялся. Активизировать процессы торможения в коре головного мозга при ожесточенном сопротивлении, задача не моего уровня. Честно говоря, не знаю, есть ли вообще такие умельцы... А так на двух-трех, ладно, пятерых охранников у меня уйдет час. За меньшее не уложусь, но времени у нас будет навалом, так что главным вопросом считаю вопрос транспорта.

Тут как по заказу из-за главного здания вывернул открытый джип, военного образца с камуфляжной раскраской под пустыню.

– Карета подана! – радостно потер ладони экстрасенс Андрюша. – Теперь не придется мотаться в поисках нужного направления. Садись!

И Андрей, подавая пример, спланировал на пустое заднее сидение притормозившей у ворот машины. Мне ничего другого не оставалось, кроме как сигануть следом.

Не успели мы выехать за ближайший поворот, как в глаза мне бросилась женская фигура, вызывающе белеющая возле самой обочины. И прежде чем разум, доказал невозможность такой встречи, женщина уже растворилась в обжигающем воздухе пустыни, чтобы через мгновение материализоваться аккуратно между мной и экстрасенсом Андрюшей. Пребывая в полностью деморализованном состоянии, я взглянул на Андрея в надежде получить необходимые

ЦУ. Но тут женщина, которую он упорно считал своей матерью, заговорила на своем странном языке и, напрягшийся было, экстрасенс заметно расслабился. Н-да, кажется, назревал серьезный семейный разговор.

Сосредоточившись на петляющей среди скал дороге, я все же изредка бросал короткие взгляды на сидевшую рядом женщину, и каждый раз поражался ее обыкновенности. Как будто мы действительно подобрали простую попутчицу. Ни потусторонней жути, как в момент первой нашей зазеркальной встречи, ни тягостного чувства, посетившего меня в Даун-Тауне, не было и в помине. Возможно, потому что мы теперь, по словам Андрея, были «на равных».

Я насчитал уже больше десятка крутых поворотов, когда египтянка, оборвав свою речь на полуслове, быстрым движением прижала Андриюшину голову к своей груди, а потом исчезла также неожиданно, как и появилась. С этой минуты экстрасенс впал в глубокую задумчивость и рассеяно созерцал проносящийся мимо горный пейзаж. Я тактично молчал, не рискуя отрывать его от раздумий, и только когда мы выехали на асфальт, решился спросить:

– Слушай, а на каком языке она с тобой говорила?

– А? – очнулся экстрасенс Андриюша и, немного помолчав, ответил. – Думаю, на древнеегипетском...

– И ты ее понимал?

– Угу. То есть я не понимал ни одного слова, но смысл улавливал сразу.

– О чем же она говорила?

– О том, что я очень сильно изменился, но Сетхем все равно любит меня.

– Сетхем?

– Так ее звали. Мою мать, – Андрей потер руками лицо, словно пытаясь избавиться от остатков ночного кошмара. – А мне она дала имя Гор, в честь древнеегипетского бога-сокола, сына Исиды.

– Угу, – поддакнул я, опасливо отстраняясь от впавшего в депрессию экстрасенса. – Никогда не думал, что буду делить заднее сидение американского военного джипа божественным тезкой. Может мне лучше сойти?

– Да иди ты знаешь куда! – не принял шутки Андрей. – Как я понял, после смерти Клеопатры Египет потерял самостоятельность и превратился в одну из римских провинций. Но не все смирились с такой ситуацией. В том числе и мой отец – правитель одного из отдаленных номов. По-нашему – губернатор. Он поднял восстание и довольно долго сопротивлялся регулярным римским войскам. Только через два года восстание было подавлено, а столица нома стерта с лица земли. Отец погиб в бою, защищая свой город, свою жену и сына. Мать устроила ему шикарное погребение и решила с помощью яда последовать за ним в царство Осириса – на тот свет, то есть – прихватив с собой трехлетнего сына. Меня. То есть не меня-сейчас, а меня-тогда... Тьфу, ты черт, запутался. Короче, меня-который-Гор. Но что-то помешало ей довести дело до конца, в результате чего я был захвачен в плен и продан в рабство. Ну, а дальше ты знаешь... Рассказывал уже.

– А эту историю почему не рассказал?

– Потому что забыл. Много ли может упомнить трехлетка? Сам впервые эту семейную сагу услышал из уст матери, б-р-р-р, – Андрея передернуло.

– Слушай, Андрей, – не выдержал я. – Какая теперь разница, что произошло с твоей семьей две тысячи лет назад? А? Тебе о другом надо сейчас думать! О Ритке, например...

– Ты думаешь, я забыл? – зыркнул на меня хмурый экстрасенс. – Я между прочим даже указатель на развилке заметил «Асуан – 44, Эдфу – 76». Уж на это моего английского хватило. А ты даже развилку прозевал.

– Прозеваешь, когда с тобой рядом приведение сидит и твоему другу мозги пудрит! Кстати, а больше она ничего не говорила?

– Говорила... То же, между прочим, что и ты. Чтобы я бросил это гиблое дело и обратился за помощью в консульство. Интересно, а в древнем Египте было понятие «консульство»? Только я все равно не отступлюсь, Игорь. С тобой или без тебя, но этой ночью мне просто необходимо попытаться... Потом будет поздно, нутром чую...

– А я нутром чую, что ничего хорошего из этого не выйдет, – не сдавался я. – Кажущаяся простота твоего плана мне очень не нравится. А еще больше мне не нравятся толпы привидений, слоняющихся по коридорам этой чертовой резиденции.

– Да они-то здесь причем?! – возмутился экстрасенс Андрюша.

– Не знаю. Но что-то в них не так. Какая-то несообразность...

– Это ты – несообразность, – Андрей больно ткнул в меня пальцем. – Учю его, учю... А проку никакого. Все, давай возвращаться. Вон уже указатель – «Асуан». Теперь я знаю маршрут. Помнишь, Тони говорил, что мы прибудем в Асуан в двенадцать ночи. Значит, нужно сразу будет транспорт искать. Ты ведь выучился водить машину?

– Выучился, – скривился я, припомнив, чем аукнулось мне отсутствие навыков вождения. – Только где мы машину возьмем?

– А это уже мои проблемы, – хитро усмехнулся мой гуру. – Ну, что возвращаемся?

И мы вернулись. Лежа на кровати и буравя взглядом потолок нашей каюты, я услышал, беспокойную возню Андрея, и его тихий вопрос:

– Скажи честно, Игорь, ты сможешь мне вытащить Риту?

– Да, Андрей. Помогу, – честно ответил я, благоразумно не уточняя, какой именно смысл вкладываю в понятие «помощь».

Стоило нам подняться на палубу, как мы сразу же были атакованы нашей Пиковой журналисткой, и стоило немалых трудов убедить ее в том, что никаких результатов наша астральная прогулка не принесла. Еще не хватало, чтобы она путалась под ногами в самый ответственный момент! Но в отличие от экстрасенса, самым ответственным моментом я считал банальное спивание своего упрямого гуру. Впрочем, тут-то Пиковая Дама и может пригодиться. Не думаю, что у Андрея ощущается острая нехватка чутья, и потому мой широкий жест в виде выставленных ни с того ни с сего сорокоградусных бутылок, вполне может его насторожить. Значит нужно, чтобы попойка была организована третьим лицом, и имела «железный» повод, под который ни один экстрасенс не подкопается. А что может быть логичнее, чем благодарность женщины спасенной от ужасной опасности (в большей степени воображаемой), которая в полном соответствии с традицией выльется в распитие спиртных напитков за мир во всем мире и дружбу между народами?

Когда мы покинули пришвартованный в городе Эсна «Рамзес», чтобы опять быть подвергнутым пытке экскурсией, я аккуратно завел Евгению Иосифовну за колонну очередного храма и посетил ее в свой коварный план. Энтузиазму, с которым она согласилась на соучастие в этом противозаконном мероприятии, позавидовал бы сам Павка Корчагин. Ради такого случая Пиковая Дама готова была пожертвовать своими личными запасами бренди, до которого, как выяснилось, журналистка была большая охотница. Она даже согласилась спровоцировать экстрасенса на демонстрацию своих паранормальных способностей, предложив себя в качестве подопытного кролика, чтобы я мог без суеты подсыпать в рюмку Андрея истолченный в пыль димедрол. Немного посоветовавшись, мы решили проделать это часа за два до нашего прибытия в Асуан, из которого Андрей собирался отправиться в свой крестовый поход, чтобы он не проснулся раньше утра. И все бы было хорошо, если бы не одна мысль, засевшая у меня голове ядовитой занозой: а не узнает ли господин экстрасенс о моих грязных намерениях, если ему вдруг взбредет в голову покопаться в мыслях своего нерадивого ученика? Придется воспользоваться системой Станиславского и всем своим видом изображать готовность номер один к участию в его аванюре.

Покинув Эсну, мы вновь двинулись вверх по Нилу и, потратив несколько часов на томление в очереди таких же экскурсионных теплоходов, скопившихся перед шлюзами, причалили в Эдфу, чтобы проследовать за гидом в еще какой-то просто необходимый храм. Эдфу... Какое знакомое название... Где-то я его уже слышал. Но на раскаленной храмовой площадке никаких мыслей, кроме мечты о глотке холодного пива, почему-то не возникало.

– Ты гляди, Игорек, – экстрасенс Андрюша ткнул пальцем в стеклянную витрину, за которой распластались две мумии крокодилов, – какая трогательная забота о загробной жизни животных одолевала древних египтян. Ведь по их понятиям если тело не сохраниться, то и душа на том свете заплутает и не вкусит райского блаженства.

– Это мне понятно, а крокодилов мумифицировать зачем? Им что, на том свете крокодилов для полного счастья не хватало?

– Не хватало. Это ведь не просто крокодилы, это воплощение бога Себека. У египтян вообще чуть ли не все животные богами считались. Так что мумифицировали и кошек, и баранов, и коров. Погребальным обрядам придавалось огромное значение. Можно сказать, что они были на них задвинуты. Вот и моя... вот и Сетхем тоже... Были в ее рассказе кое-какие моменты, исходя из которых, я могу заключить, что Сетхем не похоронили должным образом и благодаря впитанным с молоком матери догмам она не может обрести покой, пока ее останки не будут погребены, с соблюдением всех обрядов и ритуалов. Хорошо хоть, что в современном мире к таким вещам относятся куда проще... особенно у нас. Главное, чтобы друзья тебя помянули, а там... Кстати, о помянули... А не стонять ли нам за пивом?

Нет, он не исправим! Хотя, если пиво плавно перейдет в бренди с димедролом... Пожалуй, так будет даже лучше.

– Голодной куме все хлеб на уме, – лениво протянул я, стараясь, чтобы моя реакция на подобные предложения не слишком отличалась от обычной.

– Так ведь пиво самый подходящий напиток для утоления жажды! – не сдавался Андрей. – Давай, джедай, поворачивай вон в тот проулок, там наверняка спекулянтов найдем.

Поупиравшись еще немного, я тяжело вздохнул и двинулся вслед за перешедшим на рысь экстрасенсом в узкий проулок.

– Ты гляди, – хмыкнул Андрей, останавливаясь возле небольшого кафе и указывая на припаркованный рядом с верблюдом мотоцикл. – Наша «Ява». То есть не наша, конечно, а чешская, но родная до боли...

– Ты что же на мотоцикле гонял? – не поверил я.

– А то! – гордо вскину голову экстрасенс Андрюша. – Были, однако, и мы рысаками. Байкерствовали помаленьку. Бывало, выйдешь вечерком, на улицу после очередного скандала с женой, сядешь на стального коня и понеслась душа в рай... а ноги в милицию. Нет, не подумай чего! Я ни в какие группы не входил. Так, волк-одиночка. Я уже почти забыл об этом факте своей биографии, а вот увидел на египетской земле родной лейбл и заностальгировал. Ты, Игорьь, не обращай внимания, а лучше спроси, почем с нас за пиво на вынос сдерут.

И Андрей, потащил меня прямехонько к черному ходу в кафе, возле которого чинно курили кальяны задумчивые феллахи. Немного поторговавшись, мы наполнили пакет драгоценным содержимым и успели вернуться на теплоход задолго до отплытия, чтобы, очутившись в каюте, вздохнуть, наконец, полной грудью под тихое урчание кондиционера.

– Налетай, подешевело! – провозгласил экстрасенс Андрюша, открывая бутылки здоровенной номерной бляхой из чистой меди, прилегающей к ключу от наших апартаментов. – Только остальные бутылки в холодильник поставь. Они мне для лучшей концентрации понадобятся. Когда на дело пойдем...

Я послушно открыл дверцу холодильника и с удивлением обнаружил, что он потек.

– Вот черт! – помянул я нечистого в сердцах. – Кажись, электричество отключили. Совсем как в нашем институте за систематическую задолженность по оплате электрической энергии.

– Так сходи к администраторам! Пусть ремонтника пришлют. Теплое пиво – хуже... – тут Андрей глубоко задумался, подыскивая самое уничижительное сравнение, и, просияв лицом, добавил, – хуже безалкогольной водки. Вот! Давай, Игорек, дуй за ремонтником.

Ну, я и дунул. Но все мое возмущение здешним сервисом быстро улетучилось, когда пришедший мастер объяснил нам, что мы сами обесточили холодильник, щелкнув при выходе одним из выключателей. Едва статус-кво было восстановлено, мастер выпровожен, а оставшиеся бутылки размещены в реанимированном холодильнике, Андрей, вытащил припрятанные под кроватью полнехонькие стаканы, и, передав мне один, разродился тостом:

– Ну, за нас с вами и за хрен с ними!

После чего одним махом осушил свой стакан. Пришлось последовать его дурному, но весьма заразительному примеру.

– Ладно, Игорек, – потянулся экстрасенс Андрюша. – ты как хочешь, а я вздремну, пока есть такая возможность. Нам сегодня та еще ночка предстоит. Даже если все пойдет, как задумано. Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!

Последние слова он произнес уже в подушку, а я, опустившись на свою кровать, тарасил бессонные глаза в окружающее пространство, решая, когда лучше разбудить Андрея, чтобы не дать ему выспаться – сейчас или через полчаса? Или когда мы уже поплывем. Поплывем... Поплы...

Я плыл по чернильным водам навстречу пятнам факельного света, застывшим в сложной геометрической фигуре возле самого причала из массивных проеденных водой бревен. Утлая лодчонка, в которой было уже по щиколотку воды, постоянно кренилась на левый борт и периодически черпала чуть затхлую воду великой реки. Но я успею достичь берега, прежде чем она окончательно пойдет ко дну, предоставляя меня в полное распоряжение Нила, ночи и голодных крокодилов. Я, точно знаю, что успею и потому не боюсь. Вот и причал. Крепкая веревка падает с него и я, вцепившись в гибкие переплетения волокон, карабкаюсь вверх, оставляя крокодилов без ужина. Ничего, иногда это даже полезно. Но где же люди? Кто бросил мне спасительный канат? Факелы в специальных подставках горят почти бездымно. Да и какой дым можно различить в такой непроглядной тьме... Тихий шорох за спиной заставляет меня обернуться. На краю помоста, на самой грани света я вижу женщину. Я ее знаю. Я точно знаю, что знаю ее, но ни имени, ни лица, которое по прежнему скрыто сумраком мне не удается вспомнить, как ни пытаюсь. Только ночь, только река, только два тихих слова «Спаси его!». Ее пальцы осторожно касаются моего плеча и...

И снова ночь, и река, и черные берега проплывающие мимо. И пустая кровать с запиской «Прости, джедай. Но ты так отчетливо думал...», и жуткая головная боль, и упаковка из-под димедрола в ведре для мусора.

Я опоздал.

Глава 3

Три пакетика черного кофе, растворенные в кипятке, медленно, но верно возвращали меня к действительности. Еще немного и я смогу думать, а не только выражать свое душевное состояние с помощью одно-, двух- и трехэтажных выражений. Как он мог так со мной поступить! Ну, попадись мне только в руки, экстрасенс хренов! Да и сам я хорош, ведь подсознательно чувствовал, что Андрей может опробовать на мне свое усыпляющее воздействие, но такой подлянки не ожидал. Усыпить меня с помощью моего же собственного димедрола! Каков наглец! И т. д. и т. п.

И все же я сумел внести некоторый порядок в турбулентный поток мыслей, поставив себя под холодный душ. Еще не все потеряно. Еще неизвестно, как он будет добираться до резиденции из этого самого Эдфу. Стоп. Вспомнил. «Эдфу –76, Асуан – 44», так, кажется, значилось на указателе. Вот почему название города показалось мне знакомым. А Андрей сразу сообразил, что к чему, и все заранее обдумал. Как выведет меня из строя, как найдет транспорт... Господи, да ведь этот самый транспорт я своими глазами видел! Мотоцикл «Ява» – старый, но гоночный, и маневренный. Что еще нужно? С момента отплытия прошла добрая пара часов, а, значит, экстрасенс уже сидит на замеченной ранее площадке и навеивает сны на секьюрити. Нет, не сходится. Сейчас только одиннадцать – слишком рано. Андрей не станет рисковать и дождется глубокой ночи. А, стало быть, у меня еще есть шанс успеть к нему на вечеринку.

Весь этот долгий час я слонялся из угла в угол, не находя себе места от беспокойства, и без конца поглядывая на часы. Как только мы причалим, счет пойдет на минуты, а ведь мне еще нужно решить две проблемы: на чем ехать, и куда ехать? Нет, пожалуй, три: на чем ехать, куда ехать, и что потом делать? Ведь если я опоздаю... Эх, жаль, что нет под рукой Сашки Макарова. Мы вдвоем такое устроили бы здешним гангстерам, что мало не...

Тут «Рамзес» сбавил ход и я еще раз перевернул свой багаж в поисках предметов, которые можно было бы использовать как оружие. Увы, ничего из имеющегося не могло даже отдаленно сойти за средства защиты и нападения.

Едва теплоход причалил, как я гиппопотамом прогрохотал по спущенным на берег сходням. План был уже давно готов, оставалось только найти свободное такси. И, судя по предыдущим остановкам в Луксоре и Эдфу, где местные козлевики наперебой зазывали нас в свои «Антилопы», особых проблем здесь возникнуть не должно. Если не считать проблемой то, что за этим должно последовать.

Асуанские таксисты оказались также активны и приставучи, как и их собратья по «шашечному» бизнесу. Не прошло и получаса, как я, вцепившись в заднее сидение и ежеминутно поминая недобрым словом отсутствие в Египте правил дорожного движения, удалялся на юго-восток, оставляя за спиной тревожно мигающий огнями Асуан.

Водитель неплохо понимал по-английски и сразу сообразил, куда именно я хочу попасть. Но для чего иностранному туристу ехать ночью на окруженную пустыней развилку с указателем «Эсна-Асуан» он так и не уловил. Как не уловил и того момента, когда я, дождавшись полной остановки машины, резко рубанул его ребром ладони чуть ниже правого уха. Таксист сразу же обмяк, и мне под горестные вопли собственной совести оставалось только вытащить его из машины и аккуратно пристроить на бетонной плите, прислонив спиной к указателю. Ничего. Если все пройдет гладко, то часа через три машина вернется к владельцу, если же нет... то краснеть за это разбойное нападение мне уже не придется. И чтобы подавить противный холодок внутри, я так резко взял с места, что шины с противным визгом заскребли об асфальт.

Прошло чуть больше получаса, и в расступившихся горных складках мне удалось разглядеть нужный поворот на грунтовую дорогу. Так... Дальше придется ехать с выключенными фарами и по возможности тише. Хорошо, что небесный фонарь, который многие по недора-

зумению называют луной, был открыт больше чем наполовину и заливал весь этот пустынный пейзаж своим холодным призрачным светом. Призрачным... Едва на ум пришло это слово, как по неясным пока законам ассоциаций в моей голове что-то замкнулось и неожиданная догадка заставила меня чертыхнуться. Я, хоть и с большим запозданием, но все-таки догадался, что именно мне не нравилось в слоняющихся по странному зданию привидениях. То, что они ненастоящие. Па-ба-ба-бам...

Нет, я не в коей мере не оспаривал авторитета своего гуру, и призраки, повстречавшиеся нам во время астрального путешествия, безусловно таковыми являлись. Но, как бы это поточнее выразить, они были... ряженые. Кое-какие неточности в одежде я еще мог списать на счет своего не слишком обширного багажа в области исторического костюма, но вот оружие... Нет, как раз оружие выглядело очень натурально, только сделано оно было из современных материалов с использованием новейших технологий. По крайней мере, за топор викинга, просвистевший в двух сантиметрах от моей головы, я мог бы поручиться на все 100 процентов.

Не успел я прикинуть, чтобы это значило, как краем глаза уловил подозрительный блеск, и, остановившись возле прихотливо изогнутого контура скалы, обнаружил в ее тени знакомую «Яву», сиротливо стоящую на упоре. Значит, и мне пора спешиваться. Я не стал загонять машину в естественную каменную нишу, а, развернувшись на 180 градусов, прижался к обочине. В случае скоростного сматывания удочек некогда будет возиться с разворотами. Прислушавшись к окружающей тишине, я выбрался на каменистую дорогу и неспешной трусцой побежал к притаившейся в ее конце загородной резиденции Ашрафа Салеха. Перед последним поворотом, я сбавил скорость и, поминутно прислушиваясь, на цыпочках двинулся в сторону бетонной стены, смутно белевшей на фоне более темных гор. Метров за пятьдесят мне удалось разглядеть, опущенный шлагбаум, но голова охранника вопреки всем писаным и неписанным инструкциям в освещенном окне будки отсутствовала. Опять опоздал!

Проскользнув под шлагбаумом, я осторожно заглянул в приоткрытую дверь охранного помещения. Так и есть. Мерный храп секьюрити, сладострастно обнимающего ножку стула, оповещал всю округу, что экстрасенс пустил в ход свои чары. А отсутствующий автомат, что надеется Андрей не только на них. Тоже мне, рейнджер нашелся! Мне-то теперь чем вооружаться прикажете? Ножкой стула? Обшарив глазами помещение, я еще раз убедился в жизненности известного девиза «кто ищет, тот всегда найдет». Вот и я нашел. Рядом с мерно храпящим охранником скучала без дела металлическая тонфа. Это конечно, не «УЗИ» и даже не «Беретта», но на крайний случай сойдет. Краткий курс молодого бойца по владению тонфа мне читал Сашка Макаров в перерывах между мечемашеством и рукопашным боем. И читал так активно, что меня потом жена на порог не пускала – не узнавала из-за покрывающих все тело синяков.

Бесшумной тенью я двигался по парку, и когда до главного здания оставалось всего ничего, в свете ухмыляющейся луны различил у входа до боли знакомую фигуру. Нас разделяло не больше пятидесяти метров, но даже тихий окрик был бы равносильен завыванию тревожной сигнализации, и мне оставалось только поднажать, в надежде перехватить Андрея еще до того, как он проникнет в здание.

Н-да, кажется, опоздания скоро станут моим излюбленным хобби. Не успели двери бесшумно закрыться за экстрасенсом, как тишину ночи растревожил приближающийся рокот мотора. А спустя пару секунд истошно взвыла сирена. Теоретически у меня еще был шанс уйти, перемахнув через трехметровый забор и растворившись в складках рельефа. Но... Но я, вопреки стонам рассудка, помянул крепким словом свое невезение, и очертя голову бросился к дверям, из которых уже выбегал Андрей.

«И после этого ты будешь утверждать, что на одни и те же грабли дважды не наступаешь?» – ехидно спросил меня внутренний голос, пока я с помощью тонфа отбивался от выскочивших из-за угла людей в пятнистой форме. Они настойчиво пытались призвать меня

к порядку с помощью обычных полицейских дубинок и не пускали в ход огнестрельного оружия. Непонятно. А еще непонятнее, почему я не слышу автоматных очередей Андрея. Не для красоты же он «УЗИ» у охранника позаимствовал. Но, кинув быстрый взгляд на моего гуру, я увидел вместо него большую кучу малу, азартно шевелящуюся и все больше увеличивающуюся за счет новых действующих лиц прыгающих прямо из окон второго этажа.

Уложив своего третьего противника отдыхать от тяжелой и неблагодарной работы, я попытался вытащить его пистолет, но едва успел увернуться от ботинка летящего мне в голову. И не просто ботинка, а ботинка с ногой, и всем остальным, что к ноге обычно прилагается. «Едва», потому что ботинок лишь слегка прошелся по моему правому уху, в котором тут же раздался колокольный звон. Отпрыгивая в сторону, я быстро распрямылся и сразу же узнал в своем визави Ритиного тюремщика Карима. На его бесстрастном лице ничего нельзя было прочесть, несмотря на то, что света теперь было более чем достаточно. А вот в глазах нет-нет да и вспыхивали искры любопытства пополам с ожиданием.

Он был безоружен. Вернее, висящий подмышкой пистолет он вынуть не пожелал, и ленивой походкой начал приближаться ко мне. Стало быть, хочет размяться... Ну-ну. Уж что-что, а разминаться и разминать Макаров учил меня на совесть. А то, что в моих руках пляшет тонфа, так ведь мы не на соревнованиях по благородству. Тем более, что набежавшие неизвестно откуда люди в пятнистых комбезах и черных вечерних костюмах, пылая праведным гневом, явно рвутся в драку. Вот только Кариму эта идея явно не по душе, и он коротким приказом останавливает своих подчиненных.

– Интересно, кто же вы такие? – спросил он окружающее пространство по-английски, одновременно пытаясь нанести мне короткий удар. – И что вам здесь нужно?

Но мне было совсем не до ответов, даже если бы я и хотел их дать. Такой профи на моем пути попадался впервые. И слава богу, иначе этот путь безвременно прервался бы. Даже с голыми руками двоюродный племянник миллионера Ашрафа нещадно гонял меня вдоль и поперек круга, образованного возбужденно гомонящими охранниками. То, что мне не сладить с ним было ясно, словно египетский полдень, как и то, что ему доставляет огромное удовольствие демонстрировать свои возможности. А возможности, надо сказать, были нехилые. Я все медленнее поднимался после пропущенных ударов, и знал, что очень скоро наступит момент, когда так и останусь лежать, разглядывая его ботинки, вычищенные до зеркального блеска. Но прежде чем это произойдет, не попробовать ли мне одну штуку..? И я-таки попробовал.

Дважды Карим ни за что не попался бы на мою уловку, но и одного раза оказалось вполне достаточно. Да, за такой захват мне Макаров черпак должен был бы поставить! Или даже три. Карим что-то выкрикнул, когда мне удалось взять его руку на излом, и я, понимая, что терять уже нечего, так как сейчас на меня бросится толпа секьюрити, резко крутанул тонфу. Хруст ломающейся руки слился для меня с негодующими воплями охраны, а потом стало очень тихо. И очень темно.

Первым, что я увидел, вернувшись из вынужденной командировки в беспмятство, были все те же щегольские ботинки, один из которых нетерпеливо притоптывал прямо перед моим носом, уткнувшись в подстриженную травку парка. А вторым – хищный боевой нож, отражающий лунный свет, мерно льющийся на египетскую землю вместо привычного нам дождя. Видимо, мое возвращение к реальности было замечено, и меня оторвали от такой мягкой травки, ухватив за собранный на затылке «хвост». Пока из глаз сыпались искры, я успел мысленно выдать несколько не слишком лестных выражений в адрес все того же Макарова, который по рекламным соображениям запретил мне стричься.

Нож, зажатый в левой руке перекошенного от боли Карима, как привязанный последовал за мной, и потому его дальнейшее заявление меня уже не удивило:

– Ты заплатишь за это, – хрипло произнес он и указал глазами на свою неестественно вывернутую правую руку. – Посмотрим, понравится ли тебе остаться без ушей и носа. А потом без глаз и языка.

Нож двинувшийся, было, ко мне, немного притормозил, как бы раздумывая с какого уха начать, и Карим, уловив нерешительность своего стального помощника, продолжил:

– Но пока твой язык еще на месте, ты расскажешь мне, кто вас послал, и в чем заключалась ваша миссия. Подробно.

Ну, я и рассказал подробно. А так как в английском языке просто не существует тех слов и выражений, в которых я собирался выложить этому козлу, все, что о нем думаю, то пришлось воспользоваться родным, который как никакой другой подходит для этих целей.

– Русские... – протянул Карим, и задумчиво продолжил. – Значит, русские... Я не знаю русского языка, но хорошо запомнил некоторые выражения, которые очень часто повторяла одна ваша соотечественница...

И Карим, повернувшись, отдал своим орлам приказ, в котором мне явственно послышалось имя Риты. Когда же через пять минут ее стройная фигура показалась в проеме главного входа, я выдал еще парочку выражений, от которых в другой ситуации у меня во рту остался бы неприятный привкус. Услышав до боли родной пассаж, Рита заинтересованно взглянула в мою сторону, и глаза ее распахнулись на пол лица.

– Дядя Игорь!

«Какой я тебе дядя?! – так и подмывало меня ответить. – Зимой всего-то сорок стукнуло, а, гляди ты, уже «дядя»! Да, не будь ты дочерью моего дражайшего гуру, и не будь я женат на Ольге, мы с тобой такой роман закрутили бы, – мама не горюй... А ты – «дядя»!

Но все мои возражения остались при мне, потому что куча мала, нагроможденная над экстрасенсом, наконец, распалась и Рита, увидев слабо шевелившегося на асфальтовой дорожке Андрея, бросилась к нему, не обращая внимания на робкие попытки секьюрити помешать ей.

– Папочка!!!

– Папочка? – заинтересовано повторил чей-то голос. И я, завертев головой в поисках его источника, увидел, как сквозь собравшуюся толпу, словно раскаленный нож сквозь масло, проходит человек, вокруг которого моментально образовывалось свободное пространство. По тому, с каким благоговением окружающие стремились убраться с его пути, не трудно было догадаться, что своим присутствием нас почтил гостеприимный хозяин резиденции, ударник нефтяного труда, скромный миллионер и любитель длинноногих русскоязычных блондинок, а по моему скромному мнению – сволочь последняя – Ашраф Салех.

Хотя на последнюю сволочь он как раз походил мало. Или, вернее, абсолютно не походил. Даже за добрый десяток метров, еще разделявший нас, в нем ощущалось некое благородство. И дело было вовсе не в подтянутой фигуре, упакованной в черный смокинг, не в стремительной грациозной походке, и даже не в чеканном профиле, какие нередко встречаются у людей арабской национальности (думаю, что большинство египтян спокойно можно отнести к таковым). Что-то иное, окутывающее его легким флером, придавало этому высокому сорокапятилетнему мужчине вид аристократа в тридцать третьем поколении. Хорош, зар-раза!

– Папочка... – повторил Ашраф задумчиво, и обратился к Андрею на чистом русском языке, – Значит, вы отец этой девушки? Риты Дементьевой?

– Да, она – моя дочь! – с трудом покидая ставший для него родным асфальт, ответил экстрасенс Андрюша не слишком разборчиво.

А мог и не отвечать. Даже то, что дочурка благодаря неукротимой акселерации вымахала на полголовы выше отца, не могло никого ввести в заблуждение. Сейчас, когда Рита крепко обнимала Андрея, одновременно пытаясь закрыть его от нацеленных в нас автоматных ство-

лов (словно это она пришла к нему на помощь, а не наоборот), они выглядели настоящими близнецами. Да к тому же сиамскими.

– До-о-очь, – протянул Ашраф Салех. – Ну, что ж, тогда ваше незаконное проникновение на частную территорию имеет под собой кое-какие основания. Пожалуй, мы поступим с вами так...

И он что-то отрывисто приказал своему племяннику. Карим вскинулся, было, но резкая боль в сломанной руке заставила его сморщиться печеной картошкой. Миллионер, нахмурившись, потребовал у племянника объяснений. И, судя по энергичным кивкам Карима в мою сторону, получил их в полном объеме. Даже не зная языка, я не мог не догадаться, о чем велась речь; в искаженном лице главного секьюрити и его возмущенных выкриках явственно почудился смертный приговор.

Ашраф подошел ко мне вплотную, и принялся бесцеремонно рассматривать. Под его пристальным взглядом я почувствовал себя орангутангом в зоопарке у чукчей: совсем дикий человек, однако!

– Чего вылупился? – не выдержал я. – Нормальных мужиков никогда не видел? Которым нет нужды приглянувшихся девчонок похищать? Тогда смотри, может на пользу пойдет...

– Вряд ли, – спокойно ответил господин Салех, – Я на таких, как ты еще четверть века назад насмотрелся, когда учился в МГУ. Идеями братства прикрывались, а родную мать могли променять на сытное и теплое местечко. Теперь у вас кумир изменился – все отдать готовы за длинный зеленый доллар. Ты ведь за этим сюда ехал? Думал на горе отцовском заработать?

Я обалдело уставился на него, и постепенно до меня начало доходить, что он принял меня за частного детектива, нанятого отцом Риты для возвращения дочери. Есть, говорят, у нас такие сыскные агентства. Ну что ж, не будем его разубеждать. Мне без разницы, что напишут на моей могиле, к тому же совершенно не уверен, что она у меня вообще будет. Я кинул выразительный взгляд на собравшегося возмутиться экстрасенса Андрюшу. Он на секунду замер, как бы прислушиваясь, и я продублировал свой взгляд коротким, но эмоциональным мысленным посланием. Пусть думают, что нас с Андреем, связывают только товарно-денежные отношения. Может быть, тогда за сломанную руку двоюродного племянника расплачиваться буду я один.

– Дело свое ты хорошо знаешь, не спорю, – продолжал тем временем свой монолог бывший студент МГУ, имеющий на своем банковском счете несколько сотен миллионов. – При отсутствии улик и свидетелей выйти на меня – для этого кроме профессионализма нужен талант. Только вот не повезло тебе, сыщик: для своей акции ты выбрал неудачный день, вернее ночь. Произойди ваше вторжение вчера, то вам бы, пожалуй, все сошло с рук. Но не сегодня. Сегодня у нас проходит одно, как это... а, вспомнил! Одно культурно-массовое мероприятие... Впрочем, вы сами скоро увидите, а тебе, легавый, даже придется принять в нем участие. Ты вздрогнул? Неужели догадался? Нет, просто боишься... И правильно делаешь. Можно было бы предоставить Кариму возможность самому разобраться с тобой, но как всякий бизнесмен я привык из всего извлекать пользу. Даже из такого дерьма, как ты.

– А что будет с... – и я указал глазами на окруженных автоматчиками Дементьевых.

– Тебя это волнует? Возможно, я немного ошибся в тебе, раз ты все-таки переживаешь за судьбу своих клиентов. Так и быть, удовлетворю твое любопытство. Наша встреча навела меня на одну мысль, и я должен кое-что проверить, прежде чем принять окончательное решение. Боюсь, что мне придется срочно покинуть Египет, но сегодняшнее мероприятие мы обязательно посетим.

Быстро отдав распоряжения нескольким хмурым личностям, Ашраф величественно удалился, а нашу троицу взяли в кольцо молчаливые секьюрити в вечерних костюмах и повлекли куда-то за центральное здание, в сторону громоздящихся над резиденцией скал. Перед тем, как скрыться за углом, я краем глаза заметил, что явившиеся откуда-то люди в белых халатах,

уводят шипящего от боли Карима в противоположную сторону. Ну, что ж, его отсутствие не вызовет у меня бурных протестов.

Когда наш табор достиг небольшого строения, напоминающего обычную подстанцию, нас выстроили в колонну и завели внутрь, где заставили спускаться по крутой железной лестнице, оборудованной, правда, небольшими перилами. Дальше наш путь пролегал по неширокому тоннелю, освещенному через равные промежутки мощными люминесцентными лампами.

– Интересно, куда это нас ведут? – пробормотал экстрасенс Андрюша, с трудом шевеля распухшими губами. – И, главное, зачем?

– Как это зачем? – удивился я. – Ты же все слышал. Вы будете смотреть шоу, а я в нем участвовать.

– Знать бы еще, что это за шоу... – справедливо заметил экстрасенс и еще крепче пригнулся к себе Риту.

– Папочка, я боюсь, – тихий Ритин голос будоражил мои отцовские чувства. – Что теперь с нами будет? Что будет со мной?

Ответом на этот вопрос было наше дружное молчание.

– Я ведь знала, что ты придешь. Каждый день ждала... Сидела и ждала, ела и ждала, спала – ждала, кофейником в официанта запускала – ждала... Я стала одной сплошной надеждой. А сейчас я – никто.

– Вот это ты зря, – я постарался придать своему голосу жизнерадостный оттенок. – Помнишь, как мы на кухне сидели, и я тебе рассказывал о том, что со мной приключилось за последние два года? И за эти два года у меня, наверное, раз двадцать возникала мысль, что все потеряно. Хренушки! Ничего не потеряно, пока ты жив...

– А я скажу, что не все потеряно, даже когда ты мертв, – мрачно добавил экстрасенс Андрюша.

– Ой, папочки...

– Ты мне лучше, Андрей, вот что скажи, – попробовал я сменить тему, чтобы отвлечь Риту от всестороннего обдумывания ее ближайшего будущего, и скрасить бетонно-пластиковое однообразие бесконечного тоннеля. – сколько нам по египетским законам светит за угон личного автотранспорта? А? Как думаешь?

– Не знаю, сколько получишь ты, а меня это не касается...

– Это почему?

– Потому. Я, между прочим, этот мотоцикл не угнал, а выменял!

– На что? – поразился я. Никогда не думал, что у Андрея с собой есть что-то равноценное. Разве что он владельца «Явы» гипнозом обработал.

– На что, спрашиваешь? А на свой «Ролекс». По-моему этот египтянин даже в выигрыше остался...

– Так это был настоящий «Ролекс»? – у меня даже голо перехватило от удивления. – А я думал пиратская копия из Китая...

– Нет, настоящий. Самозаводной... Мне его один крутой пододвинул, за удачно проведенное снятие порчи. Прямо с руки своей снял. Я, конечно, отказывался, пока потерявший терпение бизнесмен не пригрозил, что его ребята будут меня горячим утюгом гладить, пока я не соглашусь. Вот я и согласился. А потом...

Но мы не успели услышать финал истории, потому что пришли. К бронзовой решетке с толстыми прутьями, за которой оказалась сплошная бетонная стена. Тут охранники быстро заломили мне руки за спину и подтащили вплотную к решетке. В тот же миг погас свет и я, услышав тихий скрип, понял, что решетка поднимается. А потянувший снизу сквозняк подсказал, что поднимается она вместе с бетонной стеной. Па-ба-ба-бам!

Темнота все также ревностно скрывала окружающую действительность, когда меня с силой вытолкнули вперед, применив для придания большей скорости обыкновенный пинок

под зад. Пришлось пробежать несколько шагов, чтобы сохранить равновесие. Едва я выпрямился и начал затравленно озираться, несмотря на господствующую кругом тьму, за моей спиной послышался лязг закрывшейся решетки. И сразу же со всех сторон обрушился ослепительный свет, заставивший меня рефлекторно прикрыть глаза рукой и попятиться. Спустя несколько секунд я уперся лопатками в переплетение решетки и ощутил на своем плече руку Андрея.

– Ну, теперь держись, джедай! – Андрей сглотнул, и повторил еще раз. – Держись...

И я убрал руку с глаз.

Наверно, подсознание уже хранило этот образ в своих тайниках. Поэтому я почти не удивился тому, что стою на вытянувшейся в эллипс ровной площадке, засыпанной нарядным желтым песочком, наводящим на мысли о пляже. Вот только настроение у меня было далеко не курортное. Потому что нарядный песочек окружали высокие (метра четыре) бетонные стены с несколькими входами, забранными все теми же решетками. А там, где заканчивались бетонные стены, начинались мощные прожектора и камеры. И люди, разряженные, как на балу. Сквозь слепящие лучи прожекторов их лица почти неразличимы, но на всех без исключения, как во множестве кривых зеркал отражалось предвкушение незабываемого зрелища. Для того чтобы признать в этом странном месте арену для новых гладиаторских боев, много времени мне не понадобилось. Перед глазами со скоростью мысли замелькали кадры близких по тематике голливудских творений, из которых следовало, что сейчас на меня напустят толпу нуждающихся в разминке гладиаторов.

И тут до меня дошло, чьи призраки шатались по резиденции любителя культурно-массовых мероприятий. Ну, конечно! Гладиаторы, погибшие на арене, были выражены в костюмы разных времен и народов, чтобы потрафить изысканному вкусу высокопоставленных и просто богатеньких зрителей. Испуская последний вздох, они слишком страстно жаждали реванша, и потому не сумели уйти. Вот вам и ненормальное смешение стран и эпох в облике здешних привидений. Оказывается в наше время просто крови и смерти недостаточно для эффектного зрелища. «Фабрика грез» развратила нас даже в этом. Теперь нам подавай не просто зрелище, а зрелище красивое! Хотя, что красивого может быть в крови и смерти? Поистине, весь мир – театр!

– Леди и джентльмены! – донеслась из динамиков английская речь, возвращая меня к реальности. – Вы видите на арене человека, к которому неприменимы ни одни человеческие законы. Хладнокровный убийца, он десятки раз избегал заслуженного наказания. Его имя можно прочесть в списках самых опасных и безжалостных преступников многих стран мира. За его голову назначена награда, однако всякий раз ему удавалось ускользнуть от правосудия. Но не сегодня. Сегодня, здесь, на этой самой арене его, наконец, настигнет неотвратимое возмездие. Сотни невинных душ, загубленных этим извергом, жаждут отмщения. И пусть ни на секунду в ваши сердца не просочится даже капля сострадания к нему. Смерть за смерть!

Зрители одобрительно зашумели и жестом, дошедшим до нас через тысячелетия сжали кулаки, отгибая большой палец вниз. Стало быть, проникновенная речь ведущего, получила единогласный одобрямс.

– Что он сказал? – почему-то шепотом спросил Андрей, одной рукой вцепившись в решетку, а другой поддерживая разрывающуюся Риту.

– Что я козел, и мочить меня надо в сортире, – мрачно усмехнулся я, и, найдя в себе силы, с гордо поднятой головой вышел на середину арены, одарив высокое собрание своей самой гадостной улыбкой. Пусть эти исходящие праведным гневом сливки общества не думают, что меня так просто запугать!

Я самоуверенно считал, что знаю продолжение истории. Я ошибался. Одна из решеток с бьющим по нервам скрипом поднялась, но вместо сплоченной ватаги современных гладиаторов из нее величественно вышел самый настоящий лев. Во рту у меня сразу пересохло, а в памяти

всплыли отрывочные факты из Древней истории, услужливо подсказывающие, что наравне с гладиаторами-людьми в представлениях участвовали и дикие звери: львы, тигры и пантеры. Особенно высокий рейтинг получали у древних римлян шоу, в которых на арену со львами вытаскивали незащищенных христиан.

Пот медленно тек у меня по спине и так же медленно царь зверей приближался, нервно колотя себя по бокам хвостом с кисточкой. Господи, какой же он тощий и облезлый! Видать специально недели две не кормили, чтобы уж наверняка. «Интересно, – мелькнула шальная мысль, а если бы мы не явились сегодня в эту дыру, кого бы они предложили льву в качестве позднего ужина?». Но долго думать я ее не стал, и перешел к лихорадочному строительству планов предполагаемого спасения. Увы, все мои планы разваливались еще на стадии возведения фундамента, совсем как пятиэтажки в золотой брежневский застой. Всеми знаниями по борьбе с крупными агрессивно настроенными хищниками я был обязан художественному фильму «Руслан и Людмила», в котором безоружный Руслан одолел тигра. А также великой грузинкой поэме «Витязь в тигровой шкуре», где главный герой тоже голыми руками расправился с хищником и пустил его шкуру на плащ. Или плащ у него уже был? Не важно. Короче, сделанный вывод оказался неутешительным: чтобы одолеть льва мне нужно всего-навсего стать былинным богатырем.

Нас разделяло уже несколько метров, когда я смирился. Нет, разумеется, я буду сопротивляться и дергаться до последнего, но больше из чувства противоречия, чем из надежды выйти победителем. Черт! Надеюсь, Андрей догадается закрыть Рите глаза... Но глаза почему-то закрыл лев. Он удивленно заморгал, потом опять прикрыл веки, а потом зевнул, демонстрируя всем желающим полный набор зубов прекрасно чувствующих себя без всяких зубных паст. Я стоял неподвижно, ничего не понимая, и боясь поверить в чудо. Тем временем, лев преспокойно улегся на песок, и, положив украшенную свалывшейся гривой башку на передние лапы, громко захрапел.

Нет, это невозможно! Так не бывает! Это даже для кино не годится! Разочарованные вопли зрителей могли и мертвого поднять, но лев даже ухом не повел, а продолжал сладко спать, несмотря на яркий свет, громкие выкрики и бурчащий от голода желудок. Я ошалело завертел головой, еще не веря в то, что остался жив, и вдруг увидел, что стоящий возле решетки Андрей начинает медленно сползать вниз. А густая алая кровь, что течет у него из носа, из ушей, и даже из глаз чертит на белом лице прихотливые дорожки, превращая его в жутковатую маску.

Так вот оно что! Я бросился к решетке, сгорая от желания не позволить упасть человеку, только что сотворившему ради меня невозможное. Но не добежал. Потому что услышал лязг затворов, сопровождаемых английским «Freeze!», что в нашем эквиваленте означает «Стоять, сволочь!» И остановился. Тут же из-за ближайшей решетки появились шестеро парней одетых в неопишимо аляповатые ливреи в сопровождении широченных носилок. Пока они возились, водружая на них неподъемное львиное тело, я попытался проскочить к еще открытой решетке, но автоматная очередь, взвихрившая песок буквально под моими ногами вынудила меня отказаться от этой перспективной идеи.

Когда за сладко похрапывающим львом опустилась решетка, я весь напрягся, ожидая продолжения банкета. Но, видимо, неожиданное изменение сценария не пошло на пользу кровавому представлению. Мне выпала небольшая передышка, во время которой я с облегчением убедился, что Андрей подает активные признаки жизни и даже пытается слабым голосом уверить Риту, что с ним все в порядке. Со мной пока тоже.

Увы... Это «пока» закончилось очень быстро. Три решетки, расположенные в разных концах арены, поднялись, выпуская на нарядный песок новых действующих лиц. Их было трое. Всего трое или целых трое, это уж как вам будет угодно. А для меня, измотанного схваткой

с начальником здешней охраны, безоружного и избитого это было ничуть не лучше львиных клыков. Ну, может быть, не столь экзотично.

Подсознательно я ожидал от них стремительной атаки, и был несколько удивлен, возникшей заминкой. Вместо того, чтобы разделаться со мной гладиаторы подняли лица к зрителям и приветственно вскинули каждый свое национальное оружие. В ответ трибуны взорвались подбадривающими криками. Вот они, кумиры жаждущей моей крови толпы. Ближе всех ко мне стоял средневековый рыцарь с огромным двуручным мечом, полностью закованный в броню. Как же он вообще передвигается с этакой тяжестью на плечах! Но, приглядевшись к его четким и быстрым движениям, я понял, что, скорее всего, доспехи изготовлены из легкого сверхпрочного пластика, таким образом надеяться на его вынужденную медлительность не приходится. Второй гладиатор был наряжен в костюм янычара и вооружен широким круто изогнутым ятаганом, которым лихо выписывал восьмерки, вызывая шумный восторг у дам за тридцать. Третий – полуголый египтянин, брат-близнец призрака, замеченного нами сегодня днем. Только в руках у него вместо копья хищно покачивается меч странной серповидной формы. Копеш, так, кажется, он называется. Почему-то вспомнилось, что его можно даже метать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.